

ТИМ СВАРГИН
**ЗАКОЛДОВАННОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ**

КОНСТАНТИН ЗЛОБИН

Константин Васильевич Злобин
Тим Сваргин.
Заколдованное путешествие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23310840

Аннотация

Если тебе 14 лет, а твоя родная тетка колдунья, то жди беды. Хотя можно и не ждать, она сама придет, причем сразу с двух сторон. И тогда колдуй – не колдуй, а пока не явишься с поклоном к Бабе Яге, не переломаешь все кости у шкуры медведя да не нырнешь с головой в зеркало, спокойной жизни тебе не видать. А в остальном вроде бы все хорошо, хотя на всякий случай... Остерегайтесь сухого человека!

Содержание

Ограбление века	4
Новоселье, которого никто не ожидал	29
Прогулка в странный магазин	44
Полночный бал	64
Средимосковская встреча	83
Снова в школу	108
На последней парте	119
«Гнездо»	134
Визит сухого человека	147
В новом свете	157
В ожидании «гостей»	167
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Ограбление века

Такого в Москве еще не бывало. Да что там, подобного не помнила даже мировая история.

В это утро город проснулся еще затемно. Неведомая сила поднимала людей из кроватей, выгоняла из квартир. Они выскакивали на лестничные клетки, где уже толпились и о чем-то возбужденно переговаривались соседи. Из уст в уста передавались, многократно приукрашаясь, невероятные новости, которых, впрочем, никто толком не знал.

– Вы слышали, что произошло? – шептались в подъездах.

– Не может быть! – хватались за голову во дворах.

– Какой кошмар! – доносилось с перекрестков.

Конечно, само по себе событие было сверхвыдающимся, но то, что оно приведет к таким последствиям, не ожидал никто. В шесть часов утра Москва гудела как растревоженный улей. Люди выбегали на улицы и направлялись сами не зная куда. Большинство шло в центр – к Кремлю. Какое-то внутреннее чувство говорило им, что происшествие, заставившее проснуться в такую рань, произошло именно там.

По проспектам и бульварам шагал сонный непричесанный народ. На ком-то еще была пижама. Другие позевывая кутались в домашние халаты. Женщины несли на руках детей. Один мужчина в такой спешке выскочил из дома, что ока-

зался в одном тапочке. Теперь он шел, смешно приседая на ногу и держа в руке наполовину выпитую чашку кофе. Вид мужчины нисколько не удивлял прохожих. Каждый в этой толпе выглядел по-своему необычно.

По какому-то молчаливому соглашению все стремились туда, где, как им казалось, они найдут ответ на свой невысказанный вопрос. И это не было маниакальное или гипнотическое движение толпы. Оно чем-то напоминало те давние первомайские демонстрации. Только без флагов и транспарантов. Люди встречали знакомых, приветствовали друг друга, улыбались и снова шли, шли.

– Доброе утро!

– Доброе, доброе! Как спалось?

– Хорошо. У вас как дела?

– Нормально. Не жалуемся. Вы куда идете? Туда? Тогда нам по дороге.

Откуда ни возьмись, на предрассветных улицах появились газетные разносчики. Не видевшие ничего подобного последнюю сотню лет, москвичи удивленно протирали глаза, но продавцы газет все равно не исчезали. Десятки паренков в клетчатых кепках, коротких штанишках и пиджачках заполнили московские проспекты. Они не продавали газеты, а как листовки разбрасывали их по мостовым. Шагающие в центр люди подхватывали еще пахнущие типографской краской листы, читали и замирали с открытыми ртами.

И было от чего. Сногшибательные заголовки первых

страниц окончательно разгоняли сон.

«В кремлевской сокровищнице поселился огромный червь», «Подземный Армагеддон или кто живет в московских каменоломнях», «По ком звонит Царь-колокол?», «Под Алмазным фондом обнаружена кимберлитовая трубка», «Голуби Спасской башни – тайные агенты или хранители времени?», «В Кремле исчезла Царь-пушка и ядро. Где прозвучит роковой выстрел?»

Даже самая скромная и сдержанная газета столицы «Ежедневный москвич» в это утро не удержалась и выпустила статью с громоподобным для себя названием «Есть ли жизнь в Кремле?». Такого от нее не ожидал никто.

После таких новостей люди прибавляли шаг и, собираясь в группы и колонны, устремлялись дальше.

Еще больше масла в огонь подливало радио. Шедших по улицам оглушали звуки, включенных на полную катушку радиоприемников.

– Всем! Всем! Всем! Как нам стало известно, – громогласно вещал диктор. – Сегодняшней ночью в центре города был обнаружен тайный космодром пришельцев. Вход в него был спрятан в кладовке на станции метро «Театральная». За дверями, так называемой подсобки, скрывалось около полутора десятков межпланетных космических кораблей и сотни капсул с левитирующей жидкостью...

– Произошедшее накануне землетрясение, – брызгал слюной другой радиоведущий. – Привело к многочисленным

разрушениям в столице и за ее пределами. Одним из последствий стихийного бедствия стало кружение памятника Петру Первому на Москва-реке. Как сообщает наш собственный корреспондент, утлый челнок императора сорвался с пьедестала и поплыл вниз по течению. Сейчас Петр дрейфует вдоль Патриаршего моста...

– Бред какой-то, – произнес капитан Правдин, выключая радиоприемник автомобиля.

Еще глубокой ночью он был срочно вызван в министерство. Это могло означать только одно – произошло что-то из ряда вон выходящее. Но в министерстве ничего толком не знали, а лишь выпучив глаза бегали по коридорам, стучали дверями и трясли кипами бумаг.

Капитан миновал эту беготню и, получив от начальства краткое указание «Выяснить и доложить!» да пару крепких слов для поднятия духа, с первыми лучами солнца отправился на место происшествия.

Сейчас он ехал по улицам утренней Москвы и удивлялся невиданному для столь раннего часа столпотворению. Около Манежа его автомобиль уперся в плотную толпу. Люди нехотя подчинялись его настойчивым сигналам и расступались. Кого здесь только не было. Кондукторы трамваев, которые из-за запрудившей улицы толпы не могли двигаться дальше. Обсыпанные мукой пекари – они ходили среди толпы и раздавали желающим только что испеченный хлеб. Дворники в оранжевых жилетах, что собрались стайкой и дружно о

чем-то совещались. Судя по лицам, настроение людей было тревожным, но не паническим. То и дело в толпе слышался смех, и даже песни под гитару. Казалось, здесь собралась вся Москва. Она шумела, колыхалась и обсуждала сама не зная чего.

– Что же все это значит? – недоумевал Правдин. – И кто за этим стоит? Как ты думаешь, Аркадий?

Напарник задумчиво молчал и ограничился лишь негромким рычанием себе под нос. Как и все сотрудники Комитета, он был немногословен, но очень сообразителен и все понимал с полуслова.

– Вот и я про то же, – согласился с ним капитан. – Что-то тут не чисто и не чисто по-крупному.

Наконец, автомобиль пробился к Боровицким воротам. Удостоверение с рассекавшей тучу молнией незамедлительно дало право на въезд. Такой же знак был на шевроне водителя. Он означал, что капитан Андрей Всеволодович Правдин служит в Министерстве внутренних дел, ни больше, ни меньше, как в секретном Комитете антимагии. В том самом, о котором почти никто ничего не знал, и которому доставались самые серьезные и запутанные дела.

Боровицкие ворота бесшумно отворились, и через несколько секунд, мягко качнувшись, машина остановилась у не приметных дверей. Только висящая рядом табличка говорила, что здесь находится знаменитый Алмазный фонд.

– Приехали, – сообщил капитан напарнику. – За мной!

Сидевший на соседнем сиденье пес выскочил в открытое окно и, обежав машину, выжидательно уселся у ног Правдина. От дверей музея к ним уже спешил сотрудник Комитета.

– Здравия желаю..., – козырнул он.

Андрей отмахнулся, подхватывая с заднего сидения увесистый чемодан.

– Давай без вступлений. Сегодня уже виделись в министерстве. Что тут? Аркан рядом!

Аркан и Аркадий в одном лице, или вернее в одной морде, был служебным псом породы немецких овчарок, состоял в штате и находился на полном довольствии Комитета антимагии, а также был напарником капитана Правдина со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кличка Аркан было присвоено псу в школе дрессировки. Имя Аркадий придумал Правдин, уже не помня когда и почему. То ли за способность пса разгадывать аркады и головоломки по службе, с легкостью вынюхивая и обнаруживая запутанные следы, то ли просто за созвучие с его настоящим именем. Как бы то ни было, пес с двумя именами охотно отзывался на любое из них, и сейчас по тону хозяина безошибочно определил важность предстоящего задания.

Оба напарника – капитан и пес – прошли в музей. Здесь было темно. Приглушенные лампы освещали лишь витрины ударопрочного стекла. В них матово посверкивали россыпи драгоценных камней, золотые и платиновые слитки, ювелирные украшения. Остальное – стены, полы и потолок – все бы-

ло черным-черно. Впрочем, скоро глаза привыкли к темноте, и на расстоянии всего пары шагов напарники увидели то самое место преступления, о котором говорил весь город, но даже в самых смелых предположениях не представлявший его масштабы.

Следы преступников были еще «горячими». Даже очень. В музее без окон и лишь с одной дверью висел густой запах жженой земли и паленой крысиной шерсти. В центре зала в полу зияла огромная круглая дыра.

Сбрасывая на ходу китель, Правдин слушал доклад помощника.

– При внешнем осмотре помещения не было обнаружено никаких следов взлома. Замки – заперты, сигнализация – включена. Диаметр дыры, а точнее вертикальной шахты составил ровно четыре метра два сантиметра.

Действительно, эту дыру, как и ювелирные изделия, что лежали в окружающих ее витринах, тоже можно было назвать произведением искусства – настолько она была совершенна. Таких идеальных форм и пропорций капитан не припоминал ни у одного виденного им ранее подкопа. Здесь работал настоящий вор-эстет и к тому же большой профессионал. Но как он это сделал? С помощью кирки и лопаты такое невозможно.

– Стенки шахты идеально ровные, – подтверждая мысли капитана, продолжал помощник. – Оплавлены устройством неизвестного принципа действия. На месте «отверстия» ра-

нее находилась экспозиция старинных золотых украшений. В настоящее время никаких сведений об ее местонахождении нет.

Капитан остановился на краю еще дымившейся шахты. Опустившись на колени, он тщательно исследовал каждый сантиметр. Аркан успел обождать дыру по кругу и вернулся с первой находкой. Из собачьей пасти торчал длинный светлый волос. Не было никаких сомнений, он принадлежал женщине – крашенной блондинке – и был покрытый лаком.

– Вот и первая улика. Молодец, Аркан, – похвалил Правдин, упаковывая волос в прозрачный пластиковый пакет. – Но все это очень странно. Я бы даже сказал «чертовски странно». Вниз спускались?

Стоявший рядом помощник развел руками.

– Никак нет. Ждем группу спелеологов.

– Нет времени ждать. Дайте трос и две маски.

В дыру спустили веревку. Правдин раскрыл чемодан, извлек из него пару страховочных ремней. Один надел на себя, другой – на Аркана. То же самое проделал с маской. Пес, сделав выразительный жест головой, отказался.

– Понимаю, – согласился капитан. – С нею ты останешься без своего главного рабочего инструмента.

Он спустил ноги в шахту. Сзади подбежал Аркан и, развернувшись, прижался спиной к спине напарника. Механизм страховочных ремней защелкнулся и оба полетели вниз. Оно продолжало не более секунды. Затем последовал

рывок и падение остановилось. Теперь спина к спине, как бывало не раз на задании, они медленно спускались в жерло темной дыры. Их окружали абсолютно гладкие и твердые стены – ни зацепиться за них, ни отковырять кусочек. Ни земля, а настоящий гранит, покрытый тонким слоем черной сажи. Спускаясь, капитан успел изрядно испачкаться в ней и теперь выглядел не хуже боевиков в голливудских фильмах.

– Как же они поднимались? – вслух размышлял он.

Аркан за его спиной коротко рыкнул и развел лапами.

– Может они взлетели?

Снова последовал неопределенный рык.

Внизу в свете фонаря показалось дно. Не дожидаясь, когда они спустятся, Аркан отщелкнул крепления и, мягко спрыгнув, сразу бросился на поиски следа. Через несколько секунд к нему присоединился Правдин.

Они оказались в пещере, такой же круглой, как и шахта, с той лишь разницей, что она была горизонтальной, а не вертикальной, и на ее полу были уложены рельсы. Железная дорога приходила из темноты и упиралась в тупик. В тупике лежал всякий хлам – пустые бумажные мешки, обломки оплавленного железа, куски дерева и осколки стекла. Над кучей мусора помахивал хвостом Аркан. Он призывно гавкнул, и его голос эхом разлетелся под сводами пещеры.

– Тише ты! – поморщился Правдин, прикрывая уши. – Тут акустика – позавидует Большой театр. Что у тебя?

Лаять действительно было от чего. В мусоре блестело сва-

ленное в беспорядке золото. Это была потерянная коллекция. Капитан присвистнул.

– Недалеко же они его унесли, – он включил передатчик. – Эй, наверху, спускайте «ювелиров». Здесь есть кое-что для них. Мы идем дальше.

Железнодорожный путь привел напарников к небольшой, но полноводной подземной речке, своды которой были выложены красным кирпичом. Место встречи двух тоннелей тоже было оплавлено. От раскаленных кирпичей еще веяло жаром. Они шипели и ворчали от попадавших на них брызг.

Справа, вверх по течению на воде покачивалась лодка. Вокруг нее с тихим рычанием уже носился Аркан. Конечно, увидеть здесь лодку было довольно странно. Но по большому счету в ней не было ничего особенного – лодка как лодка, и чего Аркан так взъелся на нее. Беглый осмотр ничего не дал. Без дна и весел лодка лениво поскрипывала под напором течения и, видимо, лежала здесь не первый день.

Правдин разочарованно повернул назад.

– Пойдем – здесь ничего интересного.

Но Аркан был другого мнения. Подскочив к капитану, он ухватил его за штанину и потянул обратно. Правдин чуть не свалился в воду.

– Ты что делаешь? Совсем обалдел? Чего привязался к этой рухляди? Ладно, ладно – сейчас проверю.

Он расстегнул висевшую на поясе кобуру и достал из нее пистолет. При ближайшем рассмотрении «пистолет» оказал-

ся необычным прибором. У него тоже были рукоятка и курок, но вместо дула располагался расходящийся веером «ствол», над ним — экран. На нем мелькали цифры и плясали уровни каких-то данных. Правдин направил прибор на лодку и нажал курок.

Тотчас кирпичные своды осветились красными и зелеными всполохами, к которым присоединился противный ноющий сигнал. Капитан поморщился и, отодвинув прибор дальше от себя, взглянул на экран. Показания зашкаливали. Они заполнили на экране все свободное место и, казалось, хотели вырваться из своих тесных границ. В всю работу Правдина в Комитете такое случилось только один раз, когда он со своими бойцами попал в самую гущу разборки двух магических кланов. Да, горячая тогда выпала ночка. Но времена магов-гангстеров давно прошли и сейчас, в отличие от той сумасшедшей операции, вокруг не было ни души.

От ноющего писка прибора закладывало уши.

— Да замолчишь ты или нет? — пытаюсь привести «пистолет» в чувство, Правдин постучал по нему рукой.

Это ни к чему не привело и еще больше склонило чашу весов в пользу доводов Аркана. Он сидел перед капитаном и всем своим видом как бы говорил «Ну, что? Видишь, я был прав. Преступники где-то рядом, не сойти мне с этого места».

Уступая настойчивому взгляду напарника, Правдин шумно выдохнул и по очереди направил датчик на потолок, на

пол и на стену, на которой желтой краской было выведено неприличное слово. Где бы капитан не производил замеры, прибор ни на секунду не замолкал. Это могло означать следующее – или прибор сошел с ума, другими словами сломался, или они в окружении врагов. Так как вторых капитан нигде не наблюдал, то оставалось сделать единственно правильный вывод.

– Посмотри сам, – Правдин обвел руками тоннель. – Тут никого нет.

Он снова постучал по прибору. Тот наконец замолк.

– Эту штукювину давно пора списать. Ему хоть палец покажи – тоже среагирует. Сколько раз говорил, а в министерстве одно твердят «Лучше «Паранормометра-2009» ничего не бывает». Вот и приходится работать с этим старьем. Да что я тебе говорю – ты сам все прекрасно знаешь. Уберу его подальше, пока опять не включился, – капитан спрятал прибор в кобуру. – Здесь все чисто. Если не согласен, то покажи хоть что-нибудь.

Аркан оглушительно гавкнул и стал яростно скрести рассыпающийся борт лодки. Правдин сокрушенно покачал головой.

– Я так понимаю, что других аргументов нет? Поэтому повторяю – мы возвращаемся. Считай, что это приказ. Не будем отбирать хлеб у спелеологов. Это их работа лазить по подземельям, а мы уходим. За мной!

Он развернулся и, не обращая внимания на недоволь-

ное рычание Аркана, направился к видневшимся неподалеку рельсам. Пытаясь вернуть несговорчивого напарника, пес заскулил и завертелся волчком. Неужели он не чувствует? Ведь похитители где-то рядом, но Правдин уже входил в тоннель.

– За мной! – коротко отчеканил он и скрылся в темном отверстии.

Делать было нечего и Аркан, облаив на прощанье лодку, поспешил за капитаном.

В тупике уже работала группа ювелирных экспертов. Вверх уплывали ящики со спасенной коллекцией. Следом за ними отправились Правдин и Аркан. Они даже не подозревали, что в этот момент происходит на берегу подземной реки.

Старая прогнившая лодка вдруг зашевелилась и уперлась носом в берег. Ее корма поднялась на дыбы и опрокинулась на стену. Сквозь несуществующее дно пролетел легкий ветерок. Старое дерево хрустнуло, и лодка распалась на два трухлявых борта. Они не развалились, а тут же соединились друг с другом, да так плотно, что между ними не оказалось даже щелочки.

Впрочем, щель скоро появилась. В ней мелькнул свет, и он рассек бывшую лодку сверху вниз. Две половинки, как дверцы лифта, разъехались в стороны. За ними показался темный ход узкого лаза. Из него высунулся стриженный под ежик двухметровый детина в черных очках. Повертев квад-

ратной головой, он отступил в сторону, давая пройти следовавшему за ним длинноволосому господину. Тот был одет в щеголеватый ослепительно белый костюм, который никак не подходил для прогулок по мрачным катакомбам. Господин в свою очередь тоже огляделся.

– Вот и прекрасно! Эта дрянная собачонка чуть не испортила все дело, но теперь я спокоен, – хихикнул он. – Отныне мое сокровище будет принадлежать только мне.

В его руке покачивалась большая шляпная коробка. Длинноволосый господин держал ее очень осторожно и даже с некоторым подобострастием. Во второй руке господина была тонкая изящная трость. Он носил ее для украшения, а также в качестве оружия. На конце трости имелся острый шип с устроенной в нем капсулой яда.

– Теперь они узнают, кто тут настоящий хозяин, – сладострастно промолвил господин и хотел удовлетворенно потереть руки, но не смог – они обе оказались заняты.

Он повернул счастливое лицо к охраннику, и тут же улыбка покинула его. Перед ним было тупое, без малейших признаков мысли лицо жующего жвачку верзилы. Лишь блуждавшая на нем туповатая улыбка немного скрашивала впечатление от увиденного.

– Да, Леонардо да Винчи сильно прогадал, выбрав в натурщицы Мону Лизу. Твоя физиономия гораздо глупее.

Сбросив в воду лежавшую у ног щепку, господин резко повернулся и направился к мерцавшему вдалеке огоньку.

– Домой! – скомандовал он. – Настало время насладиться плодами своих трудов.

Третьим и последним из темного отверстия появился еще один охранник как две капли воды похожий на первого. Оба были в костюмах и черных начищенных до блеска башмаках. Они молча посмотрели друг на друга и, переваливаясь на негнущихся ногах, последовали за своим господином. Их размеры были слишком велики для тесного подземелья, поэтому одной ногой гиганты топали по узкому берегу, а другой шлепали по воде. Вдобавок к этому их плечи все время цеплялись за своды пещеры, разрывали пиджаки и выворачивали из стен куски кирпичей, которые с шумом падали в воду.

Длинноволосый господин недовольно обернулся.

– Нельзя ли потише? Я не для того так долго продумывал операцию, чтобы два тупых идиота наследили здесь как стадо слонов.

– Угу, – ответили охранники и продолжили делать то же самое.

Через несколько минут они скрылись из виду, но звуки их шагов все долго гудели вдалеке.

В «дырявом» зале музея, как прозвал его Правдин, напарников встретил зритель – пожилой седой человек в потертом на локтях пиджаке. Его голова нервно подергивалась.

– Товарищ начальник, товарищ начальник. Пойдемте со мной, – потянул он капитана за рукав. – Взгляните. Это неслыханно.

Все трое прошли во второй зал. Здесь за бронированным стеклом хранились самые ценные экспонаты Алмазного фонда – регалии русских царей. Короны, скипетры, державы как по ранжиру выстроились в ряд. Смотритель прошаркал к центральной витрине.

– Вот, пожалуйста, взгляните.

Правдин внимательно осмотрел коллекцию. Стекло было целым – ни царапины. За ним – царские короны. Ничего необычного, все на месте. Все, кроме... На одной из подушек, несомненно предназначенной для чего-то ценного, было пусто.

– Что здесь было? – поинтересовался капитан.

– Как «что», молодой человек? – трясущимся голосом застенал старичок. – Здесь же была Шапка Мономаха!

И правда, вместо нее на специально отведенной подушке лежала вырванная из путеводителя фотография. На ней в драгоценных мехах и сверкающих камнях была запечатлена вышеупомянутая Шапка. Правдин сочувственно кивнул Аркану.

– Неравноценный обмен.

– Возмутительный! – подтвердил слабеющим голосом смотритель.

Через час капитан стоял в дубовом кабинете своего непо-

средственного и весьма посредственного начальника. Такой же квадратный как его письменный стол, полковник Комитета выслушал Правдина, не задав ни единого вопроса.

– Подземный ход, которым преступники проникли в помещение музея, оборвался у реки Неглинки. В ста метрах выше по течению был обнаружен еще один коридор. По нему злоумышленники добрались до тоннеля метро. Там их следы окончательно теряются. Объявлен план «Перехват». На данный момент это вся информация, которой мы располагаем, – подытожил капитан и сложил папку.

Начальник сидел и не подавал никаких признаков жизни. Его глаза не мигая смотрели в одну точку – на капитана. Правдин постоял минуту, другую и деликатно покашлял. Полковник, чье звание было таким же как и фамилия – Полковник, не изменил выражения лица. Ни жестом, ни выражением глаз он не дал знать о своих мыслях по поводу ограбления. Правдин кашлянул громче – никакой реакции.

Тогда капитан решил прибегнуть к проверенному и не раз испробованному методу. Он щелкнул каблуками и выкрикнул.

– Разрешите обратиться!?

Полковник встрепенулся и оглядел осоловелым взглядом кабинет.

– Я... я все слышал... Значит все в порядке, да? А я тут, знаете... вспомнил молодость. Как мы курсантами стояли на «часах» и при этом умудрялись спать с открытыми глазами.

Да, было время. Так что вы там говорили? Все хорошо? Поймали негодяев-преступников?

Правдин понял, что начальник все проспал, и начал доклад заново.

– Проникновение в музей произошло посредством подкопа. С помощью неуставленного механизма прорубили подземный коридор. Украдена Шапка Мономаха.

Полковник наморщил лоб.

– Не слышал о такой. Что еще за шапка? Мономах – это кто? Служащий музея? Он проходит по нашей картотеке? Зачем ему понадобилась шапка, когда на улице такая теплынь? Почему мы должны искать верхнюю одежду неизвестно кого? У нашей службы что, нет дел важнее?

Правдин терпеливо ждал, когда полковник выговорится.

– Мономах – это царь, – начал он раскладывать все по полочкам и чтобы не уйти с докладом на третий круг. – Шапка Мономаха – царский головной убор. Очень ценная реликвия и бесценная культурная единица.

Полковник нахмурился еще больше.

– Хм, ничего не понял. Вот в наши времена все было по-другому. Здесь – свои, там – чужие. Своих не бьем, чужих колотим. Все просто, как раз на раз. А тут реликвии, шапки, подземные тоннели. Почему это дело должны вести мы? Разве наш Комитет занимается кражами головных уборов в подземных переходах?

– Это дело передали нам, так как на лицо использование

аномальной энергии и запрещенных методов подкопа. Преступники – не обычные люди. Ни следа, ни зацепки. Кроме одного. Волос! Лаборатория дала предварительный ответ. Данный волос принадлежал человеку, который жил пятьсот лет назад. Единственно..., – Правдин неуверенно пожевал губы.

– Говорите, капитан. Чего вы тянете дрезину? – полковник любил щеголять знанием поговорок, но часто перевирал их.

– Дело в том, что данный волос покрыт современными косметологическими и окрашивающими средствами...

– Вы хотите сказать, что у нас в городе под землей бродят живые мертвецы, которые к тому же посещают спа-, бла- и всякие там салоны? Вы понимаете, что говорите? Как я доложу об этом министру? Он же меня после этого в штрафдом или дурбат упрячет. Вы этого хотите?

– Никак нет! Но данное вещественное доказательство освидетельствовано и приобщено к делу.

После этого сообщения мысли полковника Полковника окончательно разбежались. От него требовались конкретные указания, а он не знал, что сказать. И он выпалил то, что всегда приходило ему на ум, когда нужно было выйти из щекотливого положения.

– Смирно!

Правдин вытянулся в струнку.

– План «Перехват» объявлен?

– Так точно!

– Как назвали операцию?

– «Сомбреро».

– Что за странное название? – вскипел начальник. – Кто придумал?

– Вы, товарищ полковник. Сказали, чтобы преступники не могли догадаться.

Полковник на секунду завис.

– Ну, если я, то ладно, – его голос стал немного мягче. – За это хвалю. Узнаю себя, когда у меня еще не было этой железной пластины в голове. Как я ею работал – одно загляденье. Ни одна дверь не выдерживала. В дивизии меня так и называли «Тупая башка». Да, были времена. Этих хулиганов, что украли шляпу, задержали?

– Никак нет, – без всякой надежды на понимание ответил Правдин. – Ищем.

– Ищите, ищите! Вам за это платят, чтобы вы искали. Кто задействован в операции?

– Наши лучшие оперативники.

– Обращались в войска, авиацию?

– Нет. Решено обойтись своими силами.

– А вот это зря, – с сожалением констатировал начальник. – Когда мы развертывали наступление на... М-м-м, как же его, не помню. Ну, и флаг с ним. Так вот, тогда авиация нам здорово помогла. Да! Из двадцати домов мы захватили пять – остальные просто сравняло с землей. Отличное было

время. Не то, что сейчас. Ищем хулиганов, которые срывают с прохожих шляпы. Мельчает наша служба, мельчает. У вас еще что-нибудь?

– Никак нет!

– Тогда займитесь делом. Нечего тут стоять. И умойтесь – стоите тут как размалеванная девица. Как вы сказали, называется операция?

– «Сомбреро».

– Да, точно. Можете быть свободны.

Правдин развернулся и, чеканя шаг, вышел из кабинета.

– Хоть узнать, что такое «Самбрера», – полковник придвинул к себе ноутбук и неумело потыкал в него пальцами. – Хм, нет такого слова.

В коридоре Правдина ждал Аркан. Напарники всегда были вместе – и на работе и дома. Единственно, когда им приходилось расставаться – это во время докладов начальству, и эти моменты никто из них не любил. Ни капитан, ни пес.

– Помощи здесь не дождешься, – махнул рукой Правдин. – Нашей Стальной Башке только бы шашкой махать. Хорошо хоть, что не мешает.

Напарники направились в свой кабинет. Капитан засел за материалы экспертизы, а Аркан залег за вычесывание блох. И откуда только берутся? Тоннель только прорыли, а они уже тут как тут.

Правдин размышлял. Новые данные не внесли в дело никакой ясности. Было известно, что оба тоннеля были «про-

бурены» с помощью одного и того же механизма. В их стенах были обнаружены частички алмазов. Появились они вследствие теплового воздействия или оказались осколками алмазных резцов – этого еще не выяснили. Было понятно одно – единственной целью преступников была Шапка Мономаха. До золота им не было никакого дела. Но как они вскрыли бронированную витрину, не оставив на ней даже следа? И куда делась выкопанная из тоннеля земля? Тоже загадка. Вопросы множились, а ответов не было. Правдин обхватил руками разгоряченную голову.

– Думай, думай! – приказывал он себе.

Взгляд капитана уперся в висевшую на стене карту. Улицы, дороги и дома Москвы были заполнены разноцветными точками. Они двигались, встречались, замирали и снова куда-то направлялись. Одна точка – один человек. Вернее, почти человек. Внешне эти «существа» ничем не отличались от обычных жителей города, но каждый из них обладал теми или иными магическими способностями. Поэтому все они были учтены и занесены в список Комитета антимагии, и этот список ежедневно пополнялся новыми именами.

В задачи Комитета не входило препятствовать или как-то ограничивать повседневную жизнь этих существ. Главное, чтобы их действия не выходили за рамки закона и не нарушали общественную жизнь. Всего-то «Не нарушай!»

Но как было просто на бумаге, и как нелегко в жизни. Если ты обладаешь хоть какими-то мало-мальски необычны-

ми способностями, тебя так и тянет что-то нарушить, так и хочется сделать что-нибудь противозаконное, так и чешутся руки, лапы или что там у них еще. Вот как раз контроль за такими «субъектами» и входил в обязанности сотрудников секретного Комитета.

Цвет точек на карте обозначал вид и силу ее обладателя. Сила имелась ввиду не физическая, а магическая. Зеленый цвет отмечал обладателей обычного уровня. Таких было большинство. Их регистрировали для общей статистики и особого значения им не придавали. Синий цвет указывал более «сильных» существ, но по сути они не намного отличались от «зеленых». Желтым отмечали тех, кто обладал «сверхспособностями» на порядок превышающими возможности синих. С этими персонажами приходилось считаться, учитывая их авторитет и умения. С другой стороны число «желтых» было заметно меньше, чем остальных, и следить за ними было проще.

Оранжевых точек было и вовсе наперечет. Правдин знал их поименно. С некоторыми был знаком лично. В основном, в их число входили известные публичные люди, и каждого из них можно было назвать «мастером». Среди них были как законопослушные, с которыми Комитет сотрудничал, так и их прямые противоположности. Эти последние доставляли капитану и его отделу массу проблем и неприятностей. Только за последний месяц трижды была объявлена тревога высшей категории. И каждый раз группа немедленного обнуле-

ния выезжала на место происшествия, а однажды угодила в устроенную засаду. Количество оранжевых в столице росло день ото дня. Служба контроля за их перемещением работала с утра до вечера, и уже не справлялась. Москва менялась. Изнутри. И это ощущали не только в Комитете с его чувствительными антеннами и датчиками.

Кроме всех прочих на карте была одна красная точка. По своей силе и практически неограниченным возможностям она стоила всех остальных. Красная точка редко покидала пределы Садового кольца и была постоянной головной болью для отдела капитана Правдина. В Комитете обладателя красной точки называли не иначе как «Проблема №1». Действительно, хлопот он создавал очень много, и урезонить его не было никакой возможности. Он творил, что хотел, не считаясь ни с установленными правилами, ни с законом. «Проблема №1» был сам себе и закон, и судья.

– А это что такое? – капитан подался вперед.

Его наметанный глаз привлекла еще одна точка. Ее цвет тоже был красным, но с более нежным розовым оттенком. Правдин не мог в это поверить. Москва никеогда еще не переживала такого нашествия сильных существ.

– Что-то должно случиться, – произнес он и потянулся к трубке телефона.

По отделу был объявлен всеобщий сбор.

– Три машины с дистанционными пеленгаторами на площадь трех вокзалов, – отдавал приказания Правдин. – Оце-

пить район передвижными антеннами-ловушками. На ближайших станциях метро включить датчики ближнего радиуса. К шпилью «Ленинградской» приклеить вертолет и чтобы до моего распоряжения висел там.

За всем происходящим внимательно наблюдал Аркан. Он наострил уши. С блохами было покончено и теперь можно было взяться за настоящее дело.

Правдин вскочил.

– Вчера – взлом на Останкино, – вспоминал он последние события. – Сегодня – Алмазный фонд. Что же будет завтра? Аркан, ты где?

Пес уже стоял в коридоре и призывным лаем звал напарника за собой.

Новоселье, которого никто не ожидал

Какая же она была тяжелая – эта коробка, но он не мог доверить ее никому. Особенно этим грузчикам, которые остались внизу и тихонько посмеивались над ним. Конец мая в этом году выдался не по сезону теплым. На улице стояла невыносимая жара, и пот тек со лба ручьями. Тим дошел только до третьего этажа, когда его руки загудели, а вспотевшие пальцы стали предательски разгибаться. Он посмотрел вверх – еще два этажа и их переезд в новую квартиру можно считать законченным.

– Тим, ты где застрял? – загудело в темном подъезде.

Василиса – родная тетка Тима – стояла на верхнем этаже, перегнувшись в лестничный пролет.

– Сейчас! – ответил Тим, прижав коробку к перилам и переводя дыхание.

– Какой ты упрямый! Может помочь?

– Я сам! – Тим почти рычал не то от злости на тетку, не то от тех усилий, которые он прилагал к покорению очередной ступеньки.

В свои почти четырнадцать лет, он не любил, когда вмешивались в его дела. Тем более, когда он этого не просил.

Да и не в его правилах было просить о помощи Василису, которую он перерос еще два года назад.

Внезапно коробка стала такой легкой, что подскочила вверх и ударила по носу. Вокруг никого не было, и Тим сразу все понял.

– Я же просил не помогать!

– А мне не нужно, чтобы ты провозился с ней до вечера. У нас еще куча дел.

В этот раз совершить подвиг не удалось. Остаток пути Тим проделал с вызывающей неторопливостью. Как фокусник, держа коробку на одном выставленном вверх указательном пальце, он медленно шел и раскланивался невидимым зрителям. Василиса встретила его на верхней площадке с горящим взглядом и вставленными в бока кулаками.

– Весь в отца! – сказала она и исчезла в квартире.

Тим вошел вслед за ней, поставил коробку на пол и принялся рассматривать их новое жилье. Теперь у них было целых две комнаты! Правда квартира была не новая, но зато ни где-нибудь, а в Москве. Все-таки Василиса молодец! Как у нее все получается – и деньги зарабатывать, и за собой следить, и его из всяких передраг вытаскивать?

А ведь еще вчера они жили в Ярославле, в тесной однушке, и Тим даже не подозревал о переезде. Как обычно после обеда он с другом Лехой Воробьевым ушел в спортгородок, где они отрабатывали новый прием паркура – «прыжок вслепую». Тим так увлекся, что чуть не свернул себе шею. Хо-

рошо, что тетка не догадывается об его увлечении. Иначе... Хотя как знать, когда вечером он вернулся домой, взгляд Василисы говорил, что ей-то известны все его проделки и похождения. И дело даже не в порванной майке, а... Впрочем, то, что увидел Тим, заставило его забыть и о Лехе, и о паркуре, и о майке. Посреди квартиры лежала груда сваленных в кучу узлов и коробок, а в руке Василисы были зажаты два билета на поезд.

– Собирайся – через час уезжаем, – коротко сказала она.

Такое случалось и раньше, поэтому Тим не сильно удивился. Он только успел спросить «Куда?», как они уже стояли на перроне железнодорожного вокзала, а мимо них проплывали вагоны поезда «Ярославль – Москва».

Тим мог бы назвать свою тетку необыкновенной, но он настолько привык к ее чудачествам, что не всегда мог отличить, что в ней странно, а что – нормально. И все же она нередко заставляла Тима врасплох. Так случилось и сейчас, когда он в одиночестве обходил заставленные коробками комнаты и наткнулся на горшок с укутанным в тряпку фикусом. Только Тим наклонился, чтобы убрать его с дороги, как услышал то, что про себя называл «всевидящим голосом Василисы».

– Пожалуйста, передвинь его ближе к окну.

Тим оглянулся – в комнате был он один. Тетка стряпала на кухне – там шумела вода и звенела посуда. Между ними было, по крайней мере, две стены!

– Так, чтобы на него попадало солнце, – снова раздался ее голос. Было слышно, как она выложила на шипящую сковороду мясо и взялась за овощи.

Тим только пожал плечами и передвинул горшок.

– Вот так? – спросил он, особо не надеясь на ответ, но не тут-то было.

– Чуть левее.

«Как она это делает?» Тим подвинул фикус и снял с него тряпку. Цветок представлял собой жалкое зрелище – на трех толстых ветках почти не осталось листьев. Почему Василиса так носится с ним? Расти – не растет, и листья осыпались. Вот еще один пожелтел и вот-вот упадет. Тим потянул за лист, и тут же за его спиной появилась тетка.

– Оставь его – я сама!

Тим от неожиданности вздрогнул. Василиса оттеснила его от горшка с растением, сорвала желтый лист и положила в карман фартука.

– Ты тоже не любишь, когда берут твои вещи? – пробубнил Тим, намекая на свою коробку.

– Ладно, не дуйся, – ответила Василиса. – Лучше пойдем – перекусим. С этим переездом с утра во рту маковой росинки не было.

Первое, что Тим увидел на кухне, был большой заставленный посудой стол.

– Садись – сейчас будем обедать.

Тим любил смотреть, как тетка управляется с хозяйством.

И на кухне ей не было равных. От мойки к плите, от плиты к холодильнику. Потом опять плита, стол, мойка, посудный шкаф. Она порхала в легком синем платье. Ее черные волосы были собраны на затылке в большой пучок. При этом она всегда была весела, энергична и молода. В который раз Тим поймал себя на мысли, что не знает, сколько Василисе лет. Однажды он спросил ее об этом, но в ответ получил лишь щелчок по носу и совет не совать его, куда не следует. Тетка любила Тима и старалась уберечь его от неприятностей, что, впрочем, не всегда ей удавалось. И все же, с ней Тим чувствовал себя как за каменной стеной.

В руках Василисы все горело. Щелчок пальцами и на плите зажегся голубой огонек. Еще щелчок – и в раковину ударил напор воды. Ножи, ложки, половники, все, что было нужно, само прыгало в ее руки как по желанию. Она готовила несколько блюд одновременно, успевая везде и ничего не упуская из виду. И все время болтала, а Тим слушал, завороженный ее легкими и ловкими движениями.

– Я, как увидела эту квартиру, сразу решила – она будет нашей. Правда, пришлось поторговаться, но люди оказались хорошие и уступили. Тебе здесь тоже понравится. Соседей я еще не видела, но судя по коврикам у дверей – они аккуратные люди. Главное, что не грязнули, а то знаешь, какие бывают. Ты еще не видел свою комнату? Она больше моей. Теперь ты сможешь разместиться, как твоей душе будет угодно, и я больше не буду спотыкаться о твои вещи. Знаешь,

какой у нас теперь адрес?

И не давая Тиму раскрыть рот, продолжала.

– Улица Недлиная, 8, квартира 23. Хорошее название, такое уютное. Я сначала не хотела пятый этаж, но когда увидела вид из окна... М-м-м, – мечтательно произнесла она, вспоминая об открывающемся из окна виде и одновременно оценивая вкус блюда. – Слева большой лес или парк – точно не знаю, а справа – озеро. А ты заметил, какой тут дворик... в нем такие большие деревья, и так просторно. Выгляни в окно.

Тиму не хотелось смотреть в окно, но Василиса настояла. Почти половину двора занимал высокий раскидистый тополь. В его листве голосили птицы. Справа от тополя виднелся стройный ряд аккуратных стриженных лип и ухоженный цветник. В другой части двора был детский городок. Солнце было еще высоко и детей там было немного. С краю виднелась площадка для машин.

– Какое сегодня число? – неожиданно спросила тетка и взглянула на календарь. – Батюшки, как летит время – уже скоро лето, каких-то две недели осталось.

Взмахнув рукой, словно в ней был не половник а дирижерская палочка, она подлетела к печке. На той не оставалась без дела ни одна конфорка. Здесь варилась картошка, тушилась капуста, жарилось мясо, и над всем возвышалась большая кастрюля с бульоном.

Тетка обернулась к Тиму. Ее глаза хитро прищурились.

– Ты что будешь – суп или борщ?

– Борщ, – быстро ответил Тим. Придя на кухню, он вдруг понял, как сильно проголодался и теперь с нетерпением ждал, когда будет обед.

– Хорошо. Будет тебе борщ.

Василиса склонилась над плитой и что-то прошептала. В ту же секунду кухня наполнилась ароматом наваристого борща. У Тима засосало в желудке. Как здорово, когда твои желания исполняются сразу, как только о них подумаешь. Не важно, что минуту назад этого борща не было и в помине. Зато теперь он есть и можно хорошенько подкрепиться.

Тим взглянул на стол – от горы посуды не осталось и следа. Теперь здесь лежала белая с сиреневым узором скатерть, на которой стояли фруктовница и салфетки. Через минуту к ним присоединилась корзинка с черным хлебом и две тарелки горячего борща. Ждать больше не было сил, и Тим с жадностью накинулся на еду.

– Подожди. Пусть остынет.

– И так нормально, – с набитым ртом ответил Тим.

Только когда содержимое тарелки переместилось к нему внутрь, он смог немного передохнуть. Откинувшись на стуле и поглаживая живот, Тим блаженно проговорил.

– С такой кормежкой можно жить где угодно, но все равно ты могла бы раньше предупредить меня о переезде. Я не успел сказать Лехе.

– Ничего! Никуда твой Леха не денется. Позвони, скажи,

что теперь тебе не до ваших гулянок.

– А до чего мне теперь?

– Тимофей, не начинай. Мне больше не о чем думать, как о твоём Лехе. Скажи, так и так – я теперь в Москве.

– Хорошенькое дело. И как ты себе это представляешь? «Привет, Леха! Я не приду сегодня в школу. Немного далеко – ведь я переехал в Москву». У него же нет такой сумасшедшей тетки, которая утром покупает свеклу на борщ, а вечером с полными чемоданами бежит на вокзал. Наверно, своих «курочек» из парикмахерской ты предупредила. Я даже представляю, как прощалась с тобой тетя Зина: «Дорогуша! Как же мы без тебя? Кто теперь будет делать самую лучшую завивку в нашем городе? Чмок-чмок», – Тим вытянул губы, показывая, как целуется тетя Зина.

– Перестань! Ты же знаешь, что я не могла сказать тебе раньше.

– Знаю, что не могла, только не знаю почему. Я всегда узнаю о твоих планах самым последним.

– Все. Хватит разговаривать. Иди и разбери свои вещи. Да не так, как в прошлый раз. Книжки – к книгам, носки – к носкам. И компьютер должен стоять на столе, а не под кроватью. Приду – проверю.

Тим громко засопел.

– И нечего тут пыхтеть! – подтолкнула его Василиса и отвернулась к плите.

Тим вышел из кухни и в темном коридоре споткнулся обо

что-то большое и тяжелое. Присмотревшись, он узнал свою коробку, попробовал ее поднять, но та снова стала такой же тяжелой, как была. Поднадужившись, он затащил ее в комнату. Здесь уже стояла новая мебель. Слева, рядом с окном пристроилась кровать. Вплотную к ней прижался шкаф.

Справа на стене висело старое зеркало. Тим всмотрелся в свое отражение. Он не часто разглядывал себя, но эти веснушки, каждую весну обсыпавшие нос и щеки, сильно раздражали его. Тим взъерошил слегка кудрявые огненно рыжие волосы. Скоро Василиса опять затянет песню о том, что пора стричься. Отступив пару шагов, Тим еще раз оглядел зеркало – потертая рама, поцарапанное стекло. Зачем Василиса повесила это старье в его комнате? Ему здесь совсем не место.

Еще здесь был компьютерный стол, а перед ним, доставшееся Тиму по наследству, любимое теткино кресло-качалка и высокий с множеством полок и ящиков стеллаж. Теперь Тиму будет, где развернуться.

Он вернулся к коробке. Из нее торчала свернутая в рулон карта мира – изрядно потрепанная и потертая на углах, с картинками птиц, животных и парусных кораблей. Она досталась Тиму в подарок от их давнего соседа – старика Матвея, в те времена, когда они еще жили в маленьком городке Тотьма. Именно тогда у Тима появился неподдельный интерес ко всему, что было связано с путешествиями и приключениями.

Не долго думая, он подошел к кровати и прикрепил карту над нею – так же, как было в их старой квартире. Частенько перед сном Тим любил посмотреть на моря и океаны и помечтать о дальних краях и неведомых странах. Скоро, очень скоро он отправится в путешествие и своими глазами увидит то, о чем до сих пор только слышал.

Усевшись рядом с коробкой, Тим оглядел дорогие его сердцу предметы. Каждый из них что-то значил для него, и с каждым была связана какая-то история. На самом верху лежал компас. В детстве Тим думал, что компас может показывать не только где север и юг, но и находить спрятанные под землей сокровища. Об этом он прочел в одной из детских книжек. И даже хотел отправиться на поиски клада, но Василиса вовремя перехватила его, когда Тим запасался в долгий путь свежей морковью. Конечно, теперь он в это не верит. Повертев компас в руках, Тим наблюдал, как дрожит его стрелка. Сегодня она не только не собиралась показывать, где спрятаны сокровища, но север с югом тоже игнорировала.

Следующим в коробке оказался бинокль. Он был не совсем исправен – смотреть в него можно было только одним глазом и только вдаль. Однажды внутрь бинокля заполз муравей и своими размерами сильно напугал Тима. За биноклем последовали охотничьи спички с разноцветными головками, коробка с рыболовными крючками всевозможных форм и размеров, леска, фонарик, универсальная зарядка

для батареек, карта Ярославля, проездной билет на троллейбус, перочинный ножик...

Перочинный ножик – неразлучный друг! Было время, когда Тим ни на миг не расставался с ним. Особенно после того случая, когда он спас ему жизнь.

Эта история случилась во время весеннего половодья. Сейчас и не вспомнить, что тогда потянуло Тима на рыбалку? Только получилось так, что Тим оказался один и без удочки, поэтому один конец лески он привязал к ноге, а второй – с крючками и наживкой забросил в воду. Поклевки пришлось ждать недолго, но что это была за «рыба»! По разлившейся реке плыли большие льдины и ветки. И вот одна огромная коряга зацепилась за его леску и поволокла Тима за собой. Неожиданно из того, кто ловит, он превратился в того, кого поймали. Тим попробовал отвязаться, но узел оказался тугим, а леска слишком крепкой и никак не хотела рваться. Прыгая на одной ноге, он все сильнее погружался в ледяную воду. Намокшая куртка стала тяжелой, и сковывала его и без того неловкие движения. Тим судорожно шарил в карманах, и, наконец, нащупал ножик. Из последних сил он дотянулся до лески и обрезал ее. В следующий миг кто-то схватил его за ворот куртки и, выдернув из набравшего силу течения, вытащил на берег...

С тех пор у Тима появилась боязнь воды. Воспоминания о том, чуть не ставшим трагическим, половодье оказались слишком сильны, и Тим ничего не мог с собой поделать. Ко-

нечно, он не забросил рыбалку, но заходить в воду дальше, чем по колено, не решался. Даже сейчас, вспомнив тот случай, Тиму стало не по себе.

– Ух-х-х!

Он передернул плечами и вернулся к своему занятию. По очереди из коробки появились ручка с исчезающими на воздухе и проявляющимися в воде чернилами, сломанный плеер с наушниками, микроскоп, шахматная доска, кубик Рубика, фотоальбом, жестяная банка с потемневшими старинными монетами – Тим нашел ее на чердаке старого дома Василисы, рогатка...

Тим улыбнулся при воспоминании об оружии своего детства. Рядом с рогаткой лежало несколько камней – неприкосновенный боезапас. Камни были «непростыми». Каждый из них был наделен «особыми» свойствами. По крайней мере, так когда-то казалось маленькому Тиму. Серый камень с черной полосой предназначался для стрельбы по змеям, потому что был похож на змеиный глаз. Камень с дырой назывался «Куриная слепота», и он был способен на время отвлечь чужое внимание. Темный камень с белыми пятнами следовало использовать зимой, а камень лунного цвета – только ночью.

В коробке был еще один необычный камень размером с кулак. Его округлые матово поблескивающие бока были похожи на потеки застывшего металла. Тим нашел его на берегу озера и считал, что это осколок метеорита.

Самое же большое и тяжелое лежало на дне коробки. Это

были два тома «Энциклопедии стран мира». Каждая книга насчитывала больше тысячи страниц, и весила килограмм по шесть – не меньше. И хотя теперь все, что было написано в этих толстых томах, можно было найти в интернете, Тим не спешил избавляться от них.

В коридоре задребезжал звонок.

– Тим, открой, пожалуйста – мне некогда. Обязательно спроси «Кто там?» – крикнула с кухни Василиса.

Тим подошел к двери и взглянул в глазок. На лестничной клетке стояло что-то упитанное и цветастое. Тим прокричал в сторону кухни.

– Там какая-то тетка.

Василиса не ответила, а пришла сама.

– Ничего нельзя доверять. Что там такое?

Она отворила дверь. На пороге переминалась слегка полноватая пышногрудая дама. На ней было длинное расписное платье, на голове – повязанный узлом вперед, вышитый платок.

– Здравствуйте! – улыбнулась она. – Я ваша соседка – Раиса.

– Здравствуйте! Очень приятно. Я Василиса, а это мой племянник Тим.

Широко улыбаясь соседка протянула блюдо. На нем поблескивал румяной корочкой пирог.

– Это вам. Яблочный. Так сказать, в честь новоселья.

– Да что вы – не нужно. Зачем?... – отнекивалась Васи-

лиса, но соседка ничего не хотела слушать.

– Берите, берите! Я ведь от чистого сердца. Для хороших соседей ничего не жалко.

Василисе пришлось уступить. Она взяла подарок, но сама заметила, что соседка не сводит с Тима глаз. Взгляд Раисы был странным. Из печального, он превращался в задумчивый, а потом вдруг становился злым. Василиса не понимала в чем дело, но как гостеприимная хозяйка пригласила соседку войти.

Та наотрез отказалась.

– Нет! Как-нибудь в другой раз! Я вижу, вы еще не устроились. Зайду попозже.

Говоря это, она лишь мельком взглянула на Василису, а затем снова воззрилась на Тима. Пятясь задом, Раиса быстро отступила и исчезла в своей квартире.

Василиса недоуменно посмотрела на племянника.

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Нет. А что случилось? – удивился Тим.

– Она не сводила с тебя глаз.

– Да, странная она какая-то, – уходя в свою комнату, ответил Тим.

Василиса тоже вернулась на кухню, но через некоторое время снова появилась на пороге.

– Чем ты занят? Разбираешь свои сокровища? Я немного отвлеку тебя. Сходи, пожалуйста, в магазин – мне нужны яйца и сметана.

– Может быть не сейчас – я только начал, – Тим оглядел разбросанный по полу живописный беспорядок.

– Ну, уж, нет. Я тебя знаю. Ты можешь целыми днями рассматривать свои «драгоценности», а сметана мне нужна сейчас, – наставительно произнесла тетка.

Тим поднялся и нехотя вышел в коридор. На стене белел квадрат выключателя, но Тим решил обойтись без него. Как делала Василиса, он щелкнул пальцами, но ничего не произошло. Тим повторил – опять никакого эффекта. «Василиса говорила, что все нужно делать в спокойном состоянии». Он глубоко вдохнул и шумно выпустил воздух. Щелчок – и лампочка на потолке слегка моргнула. Уже кое-что. Тим поднес руку ближе. Может так получится? Щелкнул, и лампа осветила коридор.

– Не балуйся с электричеством, – послышался голос Василисы. – И вот еще что, возьми кефира. Да, пожалуйста, побыстрей.

– Ладно, – протянул Тим и вышел.

Прогулка в странный магазин

Тим вышел на улицу и решил идти навстречу потоку машин. Ему казалось, что ближайший магазин должен быть где-то в той стороне.

Рассматривая вывески, он шагал по широкому тротуару. Миновал салон сотовой связи, «Спорттовары», кафе «Пигмалион», магазин детской одежды «Пупсик», киоск мороженого «Белоснежка», еще один салон сотовой связи. Тим шел и шел пока не оказался на площади, за которой возвышался большой торговый центр. Во всю ширину его фасада тянулась надпись «Экстрамаркет «ДообЕда», и под ней другая поменьше – «Продукты на любой вкус».

Бесшумные двери магазина гостеприимно распахнулись, и Тим оказался в просторном стеклянном зале. Здесь лениво прогуливались и полулежали на диванах уставшие покупатели. За первым залом открылся второй, гораздо больший и внушительный. В нем за чередой автоматических касс тянулись бесконечные стеллажи. Повсюду висели указатели с названиями секций и отделов – «Посуда», «Компьютеры», «Бакалея», «Календари», «Домашние животные». Среди них встречались непонятные по своему назначению «Спасательный», «Эластика», «Земноводный», «Пряжный».

В магазине было очень многолюдно и шумно. Большие те-

лежки покупателей были набиты всевозможными пакетами, ящиками и коробками. Нередко один человек управлял сразу двумя, а то и тремя тележками, и делал это довольно легко. Соки, макароны, фрукты, чай, конфеты, сыр, мясо – все бралось десятками, сотнями и даже тысячами. Люди, коробки, тележки мелькали перед Тимом без остановки. Шум в магазине стоял, как на оживленной улице.

Мимо проехал настоящий продуктовый «поезд» – погрузчик синего цвета тащил за собой пять тележек и одну большую корзину. В ней были свалены различные колбасы, сардельки и висевшие длинными гирляндами сосиски. В кабине погрузчика рядом с водителем сидел пассажир. На его коленях лежал список покупок и электронная карта магазина, которая показывала маршрут. Водитель мельком глянул на карту и «поезд» исчез в одном из боковых проездов.

Тим остановился перед высоким стеллажом. Тот был доверху наполнен коробками. Здесь были кукурузная мука, кукурузные палочки, кукурузные хлопья, кукурузные печенья, бутылки кукурузного масла и кукурузный чай. Запрокинув голову, чтобы лучше разглядеть кукурузную стены, Тим отошел и в этот момент рядом с ним послышался пронзительный визг тормозов и свист. Тим резко обернулся. Прямо перед ним стоял поезд–погрузчик.

– Отойдите, пожалуйста, с дороги! – прокричал сверху доброжелательный, но твердый голос.

Обратившийся к Тиму человек сидел в кресле на возвы-

шении и с высоты смотрел на него. На человеке была черная униформа, на шее висел свисток.

Тим посторонился. Только сейчас он заметил, что пол в магазине расчерчен линиями, которые очень походили на дорожную разметку. Здесь были полосы для движения погрузчиков, тротуары для пешеходов и зебры-переходы. Тим еще озирался по сторонам, когда человек в униформе снова обратился к нему.

– Вам помочь? – он смотрел на Тима, и одновременно не спускал глаз с пронесившихся мимо тележек.

– Да! – Тим едва вспомнил, зачем он пришел. – Мне нужно купить кефир и сметану.

– Одну минуту, – наблюдатель за движением потянулся за рацией. – Один сопровождающий к секции 35А.

Через несколько секунд к ним на роликах подъехала девушка. На ней тоже была униформа только красного цвета. Наблюдающий за движением кивком головы указал ей на Тима.

– Чем могу быть вам полезна? – улыбаясь, спросила девушка. Около ее щеки белел тоненький микрофон, в руках был планшет, а на поясе висел миниатюрный распознаватель штрихкодов. Она приготовилась записывать.

Тим был немного смущен таким вниманием. До сих пор он ходил в магазин без посторонней помощи. Тем более без такой симпатичной. Покраснев, он сказал.

– Скажите, пожалуйста, где у вас кефир и сметана?

– Это недалеко. Я вас провожу, – девушка сделала движение, но Тим остановил ее.

– Нет! Просто скажите, как пройти. Я сам.

– Хорошо. Тогда двигайтесь по Главной аллее...

– По аллее?

– Да, это направление называется Главной аллеей. По ней доберетесь до большого перекрестка. Там будет светофор...

– Светофор? – как попугай повторил Тим и недоверчиво улыбнулся. – Здесь есть светофоры?

– Да, – девушка ничуть не удивилась его вопросу. – Так вот, на светофоре поверните направо, на Средний проезд и через три отсека попадете в «Молочную» секцию. Она будет между «Бакалеей» и отделом «Пряности». Разберетесь?

– Разберусь. Еще подскажите, где у вас продаются яйца?

– Вам куриные, перепелиные, страусовые?...

– Куриные.

– Белые, коричневые, мраморные?

– Мраморные..., – машинально проговорил Тим. – Ой!

Нет! Конечно же, белые.

– Если белые, то за отделом «Птичник». От «Молочной» секции перейдите через Вторую аллею и увидите, а еще раньше услышите. Там всегда шумно. Куры так кудахчут, что трудно пройти мимо. Там же рядом будет секция с пуховыми подушками. Сегодня акция – три подушки по цене двух. Если потеряетесь, зовите меня. Любопытный наблюдатель за движением, – девушка показала на человека со свистком, – мо-

жет вызвать меня. Я помощник продаж Алена17. Удачных покупок!

Она улыбнулась и скрылась в толпе.

– Спасибо! – прокричал Тим, но было поздно.

Он пошел по Главной аллее. Таблички с названиями отделов сменяли одна другую. Около вывески «Тропические растения» Тима остановил гудок – справа, из проезда появился автопогрузчик. На его выставленных вперед рогах ехал большой куб черной земли, из которого торчала пальма. Ее гладкий серо-зеленый ствол раскачивался в такт движению погрузчика. На дереве висела табличка «Уценка».

– Куда ее? – спросил водитель у человека с бумагами.

– В «Уцененные товары». Видишь, какая дыра? – указал тот наверх.

Тим тоже поднял голову и увидел под самыми листьями в стволе дерева небольшую дырку. Из нее выглядывал клюв встревоженной птицы.

– Так теперь ее надо дороже продавать. Карибские дятлы тоже чего-то да стоят, – хохотнул водитель и повел погрузчик в дальний конец магазина.

Пальма мерно колыхалась. Птица то и дело вылетала из своего убежища, кружила вокруг, а затем снова пряталась внутри. Не успела пальма скрыться из вида, как внимание Тима привлекла другая картина. Сверху на огромной высоте передвигались подъемные краны. Они скользили взад и вперед, вправо и влево, и один из них нес корову. Обмотан-

ная ремнями, с притороченным сзади большим мешком, она безвольно летела под потолком и изредка издавала испуганное «Му-у-у». Корова скрылась за стеллажами, а Тим все еще смотрел вверх.

До его плеча кто-то дотронулся.

– Извините, вам не нужны породистые щенки?

За спиной Тима стоял молодой мужчина. Рядом с ним, вытягивая вперед морду и принюхиваясь, сидел пес. Широко улыбаясь, капитан Правдин повторил вопрос.

– Я говорю, щенки не нужны? Вот такие малюсенькие. Все в отца, – он кивнул на Аркана. – Двенадцать штук – все как на подбор. Вырастут – будут такие же смышленные.

Он потрепал пса по голове.

– Нет, спасибо. Мне не нужно, – ответил Тим и повернулся уходить.

Но Правдин не отставал. Он был в штатском, хотя и был на задании.

– Я не дорого прошу – договоримся, – он схватил Тима за руку.

Другая рука капитана скрылась в кармане, в котором что-то загудело. Тим не на шутку испугался. Что нужно этому человеку? Почему он пристал к нему? Понятно, что дело не в щенках. Тогда просто нужно избавиться от него. Эти мысли вихрем пролетели в голове Тима, и самообладание вновь вернулось к нему.

Он резко отодвинулся и освободил руку.

– Мне не нужны ваши щенки. Отстаньте от меня.

Правдин двинулся следом.

– Подождите. Не бойтесь. Я только...

В их разговор вмешались.

– Молодой человек, у нас со своими животными нельзя! –

рядом стояли сотрудники безопасности магазина.

Они окружили Правдина и Аркана и стали теснить их к выходу. Капитан упирался.

– Вы меня не так поняли. Мы просто разговаривали..., – он оглянулся на Тима. – Я ничего не сделал.

Но стражи магазина были неумолимы. Они проводили напарников до дверей и оставили стоять на улице. В кармане капитана вибрировал, предусмотрительно установленный в беззвучный режим, прибор. Как только охрана скрылась, Правдин вынул его из кармана, и просмотрел показания.

– Ничего не понимаю. «Уровень» минимальный, почти фоновый, а «Потенциал» как бешеный лезет в гору, – он потряс прибор в руке. – Все-таки нужно его заменить или сдать на калибровку.

Он взглянул на Аркана.

– Ты-то хоть что учуял?

Пес неопределенно пошевелил ушами.

– Вот именно, – вздохнул Правдин. – Будем искать дальше.

К ступеням магазина подъехал черный тонированный микроавтобус. Дверца распахнулась, и напарники исчезли в

темноте его салона.

Тим не стал дожидаться, чем закончится дело с настырным собаководом. Быстренько нырнув в толпу, он прибавил шаг и через десять минут стоял перед светофором. Как и советовала Алена¹⁷, здесь он повернул направо и скоро оказался на месте.

В «Молочной» секции было тихо и прохладно. Шумные аллеи магазина остались вдалеке. Тишину молочного царства нарушало лишь мерное гудение холодильников. Первым из списка Василисы нашелся кефир. Сказать, что кефира было много – не сказать ничего. Его оказалось великое множество. Витрины едва выдерживали взваленное на них изобилие. Кефир был в картонных и пластиковых пакетах, в бутылках, флягах и бидонах. Он был разной жирности, состава и белизны. Вдобавок ко всему, в конце кефирного прилавка Тим нашел замороженные кефирные сырники и кефилитки – шоколадно-кефирные батончики с кусочками ягод.

Растерявшись от такого изобилия, Тим выбрал кефир в обычном пластиковом пакете. На нем была изображена пятнистая корова и надпись «Фермерское хозяйство «Живой продукт».

Пакет был холодный и влажный. Тим держал его на вытянутой руке и вертел головой в поисках корзинки или хотя бы тележки. Ни того, ни другого поблизости не оказалось.

Пока он так крутился, пакет выскользнул из руки и с легким шлепком упал на пол. Проходившая мимо дама, вскрик-

нув, отскочила в сторону. Неодобрительно покачав головой, она пошла дальше, а у ног Тима медленно растеклась белая лужа. Он в замешательстве посмотрел по сторонам. За витринами мелькнула и исчезла красная бейсболка помощницы продаж.

Тим бросился за ней, но добежав до конца морозильников, никого там не застал. Он повернул обратно, и... застыл как вкопанный. Кефирная лужа, скользя по полу, двигалась к нему. Разинув рот, Тим не верил своим глазам, а она все приближалась и приближалась. В нескольких сантиметрах от его ног лужа сделала небольшую дугу и скрылась за ближайшим поворотом. Тим проводил ее испуганным взглядом. «Что за шутки? Я, конечно, понимаю, что «Живой продукт», но не настолько». Он выглянул за край витрины – кефирное пятно было там!

Только что оно было неподвижным, но, будто заметив Тима, снова продолжило движение. Неожиданно наперерез луже вышла женщина. За ней с большой продуктовой тележкой семенил невысокий полный мужчина. На секунду он остановился и утер со лба пот. Белое пятно проскользнуло между колес тележки и «поплыло» дальше. Мужчина и женщина, не заметив ничего необычного, отправились по своим делам.

Тим возобновил преследование и крался за пятном до тех пор, пока оно не остановилось и не начало менять форму. Через минуту из бесформенной кляксы оно превратилось в стрелку. Тим взглянул в ту сторону, куда она указывала. Там,

в темной нише между стеллажей стоял аппарат для приема платежей. Вокруг него громоздились ящики с сушеной морковью, фисташковыми бананами и мешками удобрений для ельников. Тим осторожно миновал стрелку и подошел к аппарату. Тот был темно-зеленого цвета, с потертой по углам краской и видимо давно нерабочий, но стоило Тиму оказаться рядом, как экран аппарата засветился, и на нем появилась надпись: «Здравствуй, Тим!»

Растерявшись, и будто аппарат мог слышать его слова, Тим ответил.

– Здравствуйте!

Тотчас по экрану побежали буквы: «Пожалуйста, запомни все, что ты сейчас увидишь. Ближайшие дни станут самыми важными в твоей жизни. И не только в твоей. Будь очень осторожен и внимателен». На этом месте экран моргнул, но затем строчки возобновили свой бег. «Помни, что от каждого твоего поступка зависит твоя судьба, а также судьба других людей...»

Экран опять заморгал, и на этот раз делал это довольно долго. Тим впился в него глазами. Он старался ничего не упустить, но смог уловить лишь отдельные слова: «...освободить многих... знать то, что только... на этой земле... родителей... в тебя...».

Вскоре изображение исчезло окончательно. Экран потух. Прошла минута томительного ожидания, за ней другая, прежде чем Тим решил, что пора уходить. В его голове

крутились беспорядочные мысли: «Что за магазин? Что за странный аппарат? Что за непонятное сообщение и кто его передал?»

Он постучал по аппарату, но тот больше не включался. Отступив, Тим медленно пошел прочь. За его спиной слышался едва слышный шелест и женский механический голос произнес: «Пожалуйста, возьмите чек!» Экран оставался по-прежнему темным, но справа от него из узкой щели торчал кусочек бумажной ленты. Тим взял его и прочел: «Остерегайся сухого человека».

«Ерунда какая-то!» Тим не понимал и не представлял, что ему делать.

– Чем могу вам помочь? – раздалось за спиной.

Тим испуганно обернулся и увидел девушку на роликах.

– Спасибо! Ничего не нужно. Хотя..., – он посмотрел под ноги. – Только что здесь... была лужа.

– Какая лужа? – девушка с недоверием разглядывала Тима.

Ему оставалось только сконфуженно улыбнуться.

– Да была тут одна. Наверно, испарилась.

Девушка вопросительно смотрела на него, но Тим больше не мог устоять на месте и со всех ног помчался к выходу.

Только пробежав пару кварталов, он немного успокоился. В голове крутились слова непонятного сообщения: «Ближайшие дни станут самыми важными в твоей жизни... Будь осторожен...» В кулаке был зажат скомканный клочок бума-

ги. Тим развернул его. Ну, конечно, он совсем забыл – это последнее, что передал ему аппарат. Короткий и ничего не говорящий текст: «Остерегайся сухого человека». Не понимаю. Что все это значит? Какой «сухой человек»? Почему «сухой»? И вообще, причем тут я?

Через минуту Тим уже сворачивал во двор, а еще спустя несколько секунд бежал, перескакивая через несколько ступеней, на пятый этаж. Ему хотелось поскорее обо всем рассказать Василисе. Каково же было его изумление, когда вбежав в квартиру, он увидел свою тетку, которая сидела на корточках и гладила... кошку.

– Кушай, кушай, моя умница. Кушай, моя хорошая. Со всем проголодалась.

Это была теткина любимица – кошка Алиса, а еще Лиска или, как ласково называла ее Василиса, Лисочка. Тим не перепутал бы ее ни с какой другой кошкой в мире. Черная с головы до хвоста она внимательно оглянулась на него. Большие, чуть прищуренные глаза быстро пробежали по Тиму и потом снова устремились в миску. По кухне разнеслось счастливое кошкино урчание. Ее торчащий трубой хвост подрагивал от удовольствия.

Тим помнил, как тетка не раз и не зря хвалила Алису за ее ловкость и сообразительность. Примеров этому было хоть отбавляй. Чего стоил один тот случай, когда Алиса спасла ему с Василисой жизнь. Случилось это давно, когда они жили в деревне. Тим с теткой возвращались с рождественских

посиделок. Была поздняя ночь, но народ еще не спал. Тут и там вспыхивали огненные фонтаны. Вокруг засыпанных снегом елей–красавиц водили хороводы. Слышались песни, и раздавался залиvistый смех.

Под ногами хрустел снег. Калитка со скрипом впустила их во двор. Василиса поднялась по ступеням крыльца и взялась за ручку, но той не оказалось на месте. Часть двери вместе с ручкой была вырвана, а дверь открыта. Осторожно ступая в темные сени, Василиса сделала Тиму знак «Тихо!» Не успела она пройти и нескольких шагов, как из комнат донесся звериный рык.

– Бежим! – крикнула Василиса и, схватив Тима в охапку, бросилась во двор.

Рычание и чьи-то когтистые шаги неслись следом за ними. Первое, что пришло Василисе на ум, когда они выскочили во двор – это залезть на крышу. Не понимая, как это получилось, она подсадила Тима, а потом вскарабкалась сама.

В этот миг из дома выскочил зверь. Это был медведь. Точнее взрослый медвежонок. Видимо, он только недавно покинул заботливую материнскую берлогу, а своей еще не обзавелся. А тут еще зима... Вот он и пришел, учуяв тепло. Немного порычав на сидевших на крыше людей, он вернулся в дом.

– Кышь отсюда! Уходи! – закричала на него Василиса, но мишка только упрямо мотнул головой и скрылся за вывороченной дверью.

Слезать вниз в лапы даже такому еще несмышленому медведю не хотелось, но и крепчавший мороз давал о себе знать. Нужно было что-то делать.

По соседней улице шла толпа припозднившихся гуляк. Вовсю заливалась гармонь, пели парни, визжали девчата. Приложив ко рту ладони, Василиса закричала что было сил.

– Помогите! Сюда! По-мо-ги-те!

Завьюживший ветер отнес ее слова в сторону, и голоса людей удалились в темноту ночи.

Из дома не доносилось ни звука. Наверно, мишка, пристроившись у печки, заснул. А вот на крыше дела обстояли хуже. У продрогшего Тима уже зуб на зуб не попадал. Прижавшись к Василисе, он спросил.

– Может, я сбегая до деда Миколы или до Макаровых. Они помогут.

Немного подумав, Василиса согласилась.

– Только, Тимоша, ты осторожней. Лучше уж околеть, чем быть на кусочки разорванным.

Они осторожно подобралась к краю крыши. До земли было далеко. Василиса ухватила Тима за руки и стала тихонько спускаться.

– Еще, еще, – поглядывая вниз, шептал Тим.

Когда до земли оставалось меньше метра, с крыльца скатился рычащий комок. Он бросился к Тиму и зацепил его за валенок.

– А-а-а! – в испуге закричал Тим и как мог второй ногой

стал отбиваться от зверя.

Василиса тянула его обратно.

– Давай! Давай, Тимоша! – скрипя зубами, силилась она.

Только когда Тим целый и невредимый, но с одним валенком снова оказался рядом с Василисой, она смогла перевести дух.

– Все. Больше отсюда ни шагу. Лучше уж так.

Ногу Тима обвязали пуховым Василисиным платком, а она повыше подняла воротник. Так они, прижавшись друг к другу, стали ждать чуда или холодной смерти.

Сколько прошло времени, Тим не помнил, когда откуда-то сверху послышался слабый голос Василисы.

– Что это? – спросила тетка, приподнимаясь и отряхиваясь от присыпавшего их снега.

Тим глянул туда, куда показывала ее рука, и увидел гибкую черную тень, что приближалась к ним по верхушкам заснеженного забора. Это была Алиса. Неизвестно, где она отмечала это Рождество, но праздник окончился, и кошка возвращалась домой.

Завидев на крыше дома необычную картину, Алиса грациозным прыжком присоединилась к хозяевам. По их виду она поняла, что здесь они не по своей воле и, обойдя их кругом и выбрав сугроб помягче, кошка спрыгнула вниз.

Что было дальше, Тим точно сказать не мог. Алиса пробралась в дом. Как ей удалось достать пластинку, а потом установить ее на проигрыватель и включить для него и Васи-

лисы осталось загадкой. Но как бы там ни было, около трех часов ночи, это по словам очевидцев, деревню разбудил задорный бас Шаляпина. «Эх, дубинушка, ухнем!» Он пролетел по комнатам дома и едва не выбил окна.

Не понимая, что происходит и сшибая в темноте столы и стулья, молодой медведь метался по дому, пока не нашел выход и не скатился со ступенек. Тут и соседи подросли. Свистом и выстрелами из ружей они прогнали медведя, а потом спустили с крыши Тима и его тетку.

Так что, то Рождество стало рождеством не только для Спасителя, но и вторым днем рождения еще двух человек, за что Василиса еще долгое время хвалила кошку и ставила в церкви свечи. Как давно это было.

Вот и сейчас смотря на кошку, Тим размышлял над тем, что знает Алису столько же, сколько и самого себя. Временами ему казалось, что кошка всегда была и, наверно, всегда будет. Она совсем не изменилась за то время, что жила с ними. Несмотря на почтенный возраст и упитанное тельце, Алиса была очень подвижной. Она регулярно добывала и приносила своим хозяевам крыс и мышей, но сейчас Тим думал о другом.

Он прекрасно помнил, что вчера, когда они садились в поезд, никакой кошкой даже «не пахло». Тогда, в спешке Тим не обратил на это внимания, но сейчас...

– Как она здесь оказалась? Она же не ехала с нами?

– Иногда я думаю, кто из вас умнее – Алиса или ты? –

уклончиво ответила Василиса. Она поднялась и потрепала Тима за шевелюру. – Не обижайся – шучу. Не зря же я ее приютила – знала, что она умная и полезная. Кто бы еще смог добраться из Ярославля в Москву и найти нас в таком большом городе? Только моя Алисочка, – кошка вертелась у ее ног и громко урчала. – А ты что такой – сам не в себе? Что-нибудь случилось? И где, скажи на милость, продукты?

– Какие продукты? Ах, это...

– Да, «это»... – передразнила его тетка и, уперев руки в бока, спросила с усмешкой. – Вот и скажи, кого мне в следующий раз посылать в магазин? Алису?

– Подожди! – прервал ее Тим и протянул скомканную бумажку. – Вот!

Тетка пробежала ее глазами и, забыв свой насмешливый тон, взглянула на племянника.

– Откуда это?

– Из магазина.

Тим рассказал обо всем, что с ним случилось. Василиса сидела на стуле прямая как палка и внимательно слушала.

– ... Потом я взял этот листок и побежал домой. А тут ты с Алисой, – закончил Тим свой рассказ.

Тетка молчала.

– Василиса, скажи, что все это значит? – Тим с детства называл тетку просто по имени. – Кто кого должен спасти? И от кого?

Тетка продолжала молчать. Ее лицо выражало растерян-

ность и огорчение.

– Опять он, – еле слышно прошептала Василиса. – Опять нашел нас. В этот раз так быстро.

– Что? – не расслышал Тим. – Что ты сказала?

Тетка вздрогнула, очнувшись от своих мыслей, посмотрела на племянника и постаралась сделать вид, что ничем не расстроена.

– Ничего. Я так... Думаю, это чья-то глупая шутка или какой-то там сбой в программе этого... аппарата. Ты же знаешь, что эти компьютеры так часто ломаются. Как у вас говорят – глу..., глу...

– Глючат?

– Да. Ты сам сказал, что он, в конце концов, сломался.

– А как же кефирная стрелка? И откуда он узнал мое имя?

– Кто «он»?

– Аппарат.

– Тим, ты сам понимаешь, что говоришь? Это уму непостижимо – разговаривающий аппарат для приема денег назвал тебя по имени. Конечно, тебе показалось. Просто у нас сегодня был трудный день, а у тебя слишком богатая фантазия. Сейчас мы ляжем спать и...

– И это мне тоже показалось? – Тим ткнул пальцем в помятый клочок бумаги.

Тетка замахала руками.

– Ничего не хочу больше слышать. Утро вечера мудренее. Завтра обо всем поговорим, если тебе еще будет охота. А

теперь живо спать.

Тим понял, что дальше разговаривать бесполезно и побрел в ванную. Через полчаса он лежал в кровати, и в его голове сменяя друг друга проносились события сегодняшнего дня – их скорый переезд, откуда ни возьмись появившаяся Алиса, кефирное пятно и, наконец, этот странный магазин и не менее странный аппарат.

Тим рассеянно посмотрел в окно. На нем еще не было занавесок, и дом напротив был виден как на ладони. Поднявшаяся луна осветила все ярким светом. Тим приподнялся и распахнул створки. В комнату ввалился густой, начинающий остывать уличный воздух. С проспекта еще доносился гул оживленной улицы.

Дверь в комнату отворилась, и вошла Василиса.

– Ты еще не спишь? Я зашла пожелать тебе спокойной ночи. Спи и ни о чем не думай. Завтра все станет на свои места. Вот увидишь.

– Хорошо. Спокойной ночи, – ответил Тим.

Василиса поцеловала племянника в лоб и вышла.

– На всякий случай оставлю дверь приоткрытой, – сказала она. – И сквознячок небольшой будет.

Тим ничего не ответил. Дверь снова легонько скрипнула. Несколько бесшумных шагов, и гибкая тень запрыгнула к нему на кровать. Это была Алиса. Она часто ночевала с Тимом, и теперь, как обычно, уютно устроилась у него в ногах. Вскоре заснул и Тим.

Полночный бал

Тим уже спал крепким сном, а в ресторане «Бужетель» на Смоленской площади все только начиналось. Этой ночью шикарное заведение впервые распахнуло свои двери, и в них нескончаемой вереницей входили гости. Здесь, на верхнем этаже старинного дома громко играла музыка, ярко горели огни, рекой лилось дорогое шампанское. Две стены просторного празднично украшенного зала были прозрачными, открывая гостям панораму ночной Москвы. По случаю открытия в небо взлетали фейерверки. Взрываясь в черной вышине, они мерцающим дождем опадали на невидимую крышу ресторана.

Остальные стены заведения были зеркальными. Зеркала начинались у пола и поднимались до потолка. В них отражались звезды, и можно было только догадываться, где праздничный зал превращается в ночное небо. Там же вверху исчезали верхушки белоснежных колонн. Их драпировали золотой искрящейся тканью и гирляндами живых лиан. Их зеленые ветви оплетали весь зал и добавляли сказочности и нереальности всему происходящему. С невидимого потолка, словно с неба, свисала большая люстра. Она тоже была из лиан, вездесущие стебли которых перемешались с лозами искусственного винограда, созданного из золота и темно-фи-

олетовых рубинов. Люстра слегка покачивалась, наполняя зал золотистым светом сотен горящих свечей. Вообще, свечи были повсюду. Они стояли на столах, висели в темной вышине, разбегались по зеркальной стене и струились по рядным колоннам.

В этом великолепии затаив дыхание фланировали приглашенные гости. В толпе то и дело слышались возгласы восхищения.

– Какой прекрасный зал, будто паришь где-то в небе на воздушном шаре.

– Замечательно! А вы посмотрите на это венецианское стекло. Таких зеркал не делают даже в Европе.

– Да что там Европа. Вы пробовали шампанское. Это же настоящая Вдова Шико.

Между гостями сновали официанты. Их подносы были уставлены бокалами с напитками. Музыканты заняли место в углу и наполняли зал мотивами старинных вальсов и полонезов. И официанты, и музыканты были одеты в темно-зеленые камзолы и короткие штаны с чулками. Их головы покрывали завитые парики, а на ногах красовались тупоносые башмаки с большими блестящими пряжками.

У дверей в фиолетовых ливреях с золотыми пуговицами стояли лакеи. Входя в заведение, гости отдавали им именные приглашения, опуская их на серебристо-золотой поднос. Один из лакеев с поклоном принимал приглашение и поворачивался лицом в зал. Стукнув о пол длинным жезлом, он

громко произносил имена вновь прибывших.

– Господин Вознесенский с супругой!

– Господин Стародумов с супругой и дочерьми!

Приглашения были выполнены так изящно и были настолько красивы, что с ними не хотелось расставаться. Золотые витиеватые буквы своими завитками словно обхватывали друг друга, и каждое слово казалось отдельным шедевром. По краю приглашения бежали четыре блестящие змейки, которые в свете сотен свечей казались живыми и будто в гипнотическом хороводе двигались по кругу. Необычной была и бумага. От прикосновения она становилась приятно теплой и источала едва заметный, но весьма притягательный аромат.

Среди прекрасной половины гостей этот факт произвел настоящий фурор. Дамы, во что бы то ни стало, старались сохранить приглашения при себе, но тогда, к их большому сожалению, им отказывали во входе. Одна из приглашенных даже закатила истерику, и ее еле усмирили сразу несколько лакеев. Потом она еще не раз порывалась вернуть вожаделенный клочок бумаги, но безуспешно.

В приглашениях было написано следующее:

«Дорогой господин N и госпожа M!

По случаю открытия моего нового ресторана «Бужетель»

позвольте просить Вас
соблаговолить принять мое приглашение
в знак глубочайшей признательности и
уважения присутствовать
на праздничном бале-фуршете.
Прошу Вас быть в туалетах
и с прическами подобающими
столь изысканному
и несомненно выдающемуся мероприятию.
С искренней надеждой и ожиданием встречи.

Ваш Вельзевей I»

За такими высокопарными и, на первый взгляд, любезными фразами таилось не что иное как требование. Поэтому не удивительно, что не все гости прибыли сюда по доброй воле. Почти каждому в Москве и за ее пределами были известны повадки и злые розыгрыши хозяина ресторана Вельзевея. Он любил играть на слабостях людей, ставить их в безвыходные и неловкие ситуации, сталкивать лбами и стравливать друг с другом. Он обожал вызывать в людях самые низменные чувства и с удовольствием наблюдал, как они мучились сами и мучили других.

Об этих пристрастиях Вельзевея знали многие и, насколько это было возможным, старались не иметь с ним никаких дел. Но не принять его приглашение было очень и очень

опасно. Вельзевей был чрезвычайно злопамятен и никогда не прощал тех, кто по его мнению каким-то образом оскорбил его или сделал так, как ему того хотелось. В памяти многих были свежи те случаи, когда не угодивший Вельзевею человек внезапно исчезал или скоропостижно умирал.

Ко всему прочему Вельзевей был очень богат и влиятелен. По городу ходили слухи, что ему принадлежит около трети, а может и половина столицы. Трудно было назвать торговый комплекс, банк, ресторан, завод или фабрику, которые не принадлежали бы Вельзевею. Он владел земельными участками в Москве, сложив которые, можно было бы создать целый город. Миллионы жителей столицы даже не подозревали, что живут на земле и в домах, которые давно им не принадлежат. Если что-то еще не было под хищной дланью Вельзевея, то оно или должно было в скором времени стать его собственностью, или там правили верные ему люди. Поэтому лучше и безопаснее было откликнуться на приглашение Вельзевея, но быть начеку, как многие и делали.

Фуршет уже длился около двух часов, но в ожидании хозяина мероприятия к столам с закусками доступ был закрыт. Зато гостей щедро поили горячительными напитками. По этой причине, несмотря на первую настороженность, приглашенные очень скоро расслабились и развеселились. Все чаще слышался дружный звон бокалов. При этом дамы в вечерних туалетах не забывали соперничать друг с другом в красоте изящных причесок и яркостью драгоценных камней,

стоимость которых была сравнима с припаркованными внизу шикарными автомобилями. Многие из них пришли на бал со своими кавалерами и теперь чинно прохаживались вдоль сервированных столов. Мужчины с нетерпением поглядывали на аппетитные закуски и уже который час глотали слюнки.

– Да когда уже начнется? – недовольно ворчали они.

На фуршет были приглашены владельцы и директора корпораций, компаний, фондов и трастов, высокопоставленные чиновники – министры, префекты, прокуроры, начальники всевозможных районов и муниципалитетов. В общем водвороте людей то и дело мелькали модные модельеры, артисты, певцы или просто личности, прославившиеся в публичных скандалах.

И если дамы в своих нарядах выглядели более или менее уместно, то их мужья представляли собой довольно комичное зрелище. Пышные парики покрывали их по большей части бритые и толстощекие головы. При малейшем движении от париков отлетали облачка пудры, из-за чего по залу прокатывалась волна чихов и сморканий.

Еще смешнее выглядели костюмы кавалеров – сшитые специально для этого вечера камзолы и панталоны стесняли движения. Мужчины явно смущались своего вида и стремились отодвинуться подальше в угол или усесться в кресло. Только бы меньше народу видело их обтянутые узкими панталонами бедра и трясущиеся букли ненавистных париков. Знакомые с трудом узнавали друг друга.

– Добрый вечер! Не узнал – богатыми будете! – по привычке они протягивали друг другу руки, но тут же одергивали их и опасно озирались.

Согласно этикету бала приветствовать других можно было только кивком головы. Кто-то при этом недовольно чертыхался и вспоминал недобрым словом хозяина мероприятия. На говорившего устремлялись испуганные взоры окружающих, а стоявшая рядом супруга испуганно сжимала ему локоть.

В ресторане было не протолкнуться, а в двери зала все еще вливался поток приглашенных. Вся эта масса людей двигалась, гудела и с явным нетерпением поглядывала на большие часы, которые висели над главным входом. Обилие алкоголя и невозможность добраться до еды развязала языки и вызвала в гостях недовольный ропот. То тут, то там стали возникать стычки и ссоры. Дамы спорили чье платье красивее и дороже. Мужская половина гостей, напыщенная и уже изрядно раздраженная задержкой с фуршетом, выясняла где чье место и кому куда нужно пойти. Одна за другой возникали небольшие потасовки, но они быстро сходили на нет.

– Скучно! Опять ничего нового, – недовольно произнес Вельзевей. – Хоть бы морду друг другу набили. Даже на это не способны.

Вельзевей «Коварный и Прекрасный», как он сам себя называл, сидел в темной комнате всего в нескольких шагах от зеркального зала. Он расположился в глубоком кожаном

кресле, и, закинув ногу за ногу, со скучающим видом наблюдал, чем занимаются его гости. Шесть больших установленных в два ряда мониторов, показывали все, что происходило в ресторане. Зал «Бюжетеля» был как на ладони.

На вид Вельзевею было около сорока. Худощавый, с тонким бледным лицом и прямыми светлыми волосами, которые опускались ниже плеч, он был похож на уставшего от жизни человека. У него был высокий лоб, большие грустные и бесцветные глаза, длинный нос и тонкие всегда сжатые губы.

Собственная внешность была для Вельзевея всем, и над ней трудился не один десяток лучших специалистов. Не проходило и дня, чтобы он не посетил косметологический или SPA-салон, парикмахерскую или массажный будуар. Его волосы всегда были в идеальном состоянии, покрыты самыми дорогими гелями и лаками. Ничто на свете не могло испортить его укладку, и ни один волос не мог по собственному желанию оторваться от других.

Кожа Вельзевея была мягче и нежнее, чем у младенца. Единственно, чего ей недоставало – это обычного человеческого румянца. Его глаза и губы были подведены тушью и помадой, и это вносило в его бледный облик хоть немного цвета.

Холеные пальцы Вельзевея были длинными и тонкими, как у пианиста. Ходили слухи, что в прошлом он часто играл на рояле, но в своем репертуаре отдавал предпочтение

тяжелой музыке Баха, которую в отличии от него мог выдержать не каждый. Когда-то он рассылал приглашения на свои домашние концерты, но со временем желающих становилось все меньше, и Вельзевей, затаив злость и обиду, до поры прекратил эту практику. Его пальцы, отвыкшие от клавиш, потеряли былую гибкость, стали узловатыми, и с этим ничего не могли поделать ни врачи, ни опытные косметологи.

Ногти Вельзевея были выкрашены в черный цвет и резко выделялись на светлой ручке трости, по которой он выбивал одну из баховских фуг. Набалдашник в форме головы льва смиренно принимал все более частые и сильные удары. Было видно, что происходившее в зале ресторана не по нраву его хозяину. И его нетерпение скоро должно было перерасти в ярость.

– Стоит ли мне ожидать сегодня что-нибудь интересное? Или наши люди больше ни на что не годны? – спросил Вельзевей у стоявшего за его спиной человека. – Я полагаю, вы знаете, что случилось с предыдущим церемониймейстером?

Стоявший за его спиной человек знал это и поэтому поспешно залепетал.

– Да, милорд. У нас все готово и мы начнем по одному Вашему слову.

– Так, начинайте! – нетерпеливо выкрикнул Вельзевей и резко откинулся на широкую спинку кресла.

Новый церемониймейстер поднес к лицу портативную рацию и произнес всего одно слово «Сюрприз». Это был сиг-

нал для более чем двадцати официантов, которые в это время разносили гостям аперитив. В одно мгновение они отложили подносы и стали высматривать себе подходящих «клиентов».

Как по команде захлопнулись входные двери. Все произошло так быстро и без лишнего шума, что никто из гостей не заметил, как оказался в красивой стеклянной мышеловке.

Первыми объектами задуманной провокации стали два столичных префекта. Их округа находились рядом друг с другом, и у обоих чиновников было много общих тем. Среди них одна довольно болезненная. Оба префекта никак не могли договориться о мусорной свалке, которая образовалась на границе их «владений». Каждый был уверен, что ее появление лежит на совести другой стороны.

– Это ваша свалка, что бы вы здесь не говорили.

– Ишь, чего вздумали. Конечно, ваша и ничья другая.

– А я повторяю, вы свалили – вы и убирайте. Мы к этой свалке никакого отношения не имеем.

– А мне нет никакого дела, что вы тут повторяете. Ваша и все!

Начавшись довольно безобидно, разговор перешел в ожесточенный спор. И он мог бы закончиться довольно мирно, если бы того пожелал Вельзевей. Но он этого не желал!

В эту ночь официантами ресторана были наняты профессиональные карманники. Им ничего не стоило обчистить любого из зазевавшихся гостей, но сегодня они выполняли дру-

гую работу. Оказавшись рядом со спорящими, один из официантов незаметно снял дорогие часы у одного префекта и также скрытно положил их в карман его оппонента. При этом золотой браслет как бы случайно остался торчать наружу. Спустя несколько минут обворованный господин решил узнать сколько времени, и к своему удивлению не обнаружил часов. Выпученными от возмущения глазами, он растерянно посмотрел вокруг и его взгляд упал на оттопыренный карман собеседника. Там были его часы! В порыве гнева он схватил того за грудки и затряс со словами.

– Ах, ты, ворюга! Вот для чего ты мне зубы заговаривал!

Господин, в чем кармане оказались часы не понимал в чем дело и попробовал вырваться. Он честно пытался выяснить, в чем дело, но его старания были тщетными.

– Вы в своем уме? Что вам нужно? Отстаньте. Кто-нибудь вызовите охрану – он же пьян.

Но его воззвания были напрасны. Образумить нападавшего не было никакой возможности. Он все кричал и кричал.

– Это я пьян? Вот наглец! Обворовывает честных людей, а потом еще их и оскорбляет. Вы посмотрите на него! Корчит тут из себя. Да таких в шею гнать надо, чтобы было неповадно являться в порядочное общество.

Схваченному и не подозревавшему в чем дело чиновнику не оставалось ничего другого как оттолкнуть своего противника. Как назло, движение оказалось чересчур сильным. Обворованный полетел вверх ногами в толпу. Едва подняв-

шись, он бросился на обидчика с кулаками.

– Ну, все! Держись у меня!

На защиту одного и другого господина кинулись стоявшие поблизости гости. Вместе с остальными в общую свалку вклинились официанты. Пользуясь неразберихой, они нанесли удары то одному, то другому. Благодаря этому потасовка быстро разгоралась, захватывая в себя все новых участников. Закричали попавшие под горячую руку дамы. Над головами замелькали бутылки и посуда, где-то со звоном разбилось стекло. С бритых голов полетели парики и тут же были растоптаны.

– Вот это уже кое-что, – удовлетворенно захихикал Вельзевей и придвинулся ближе к экранам.

Он старался не упустить ничего из происходившего. Его бесцветные глаза оживились. Они даже перестали моргать и только перескакивали с одного монитора на другой.

– Давай же! Давай! – выкрикивал Вельзевей в азарте. Со стороны можно было подумать, что он следит за скачками на ипподроме или смотрит боксерский поединок. – Давай еще!

Церемониймейстер понял это по-своему. Приказ был мгновенно передан официантам, и в разных концах зала слышались выкрики.

– Бомба!

– Пожар!

– Помогите!

От этих воплей подвыпившая и взвинченная дракой пуб-

лика словно обезумела. Все приличия и формальности были забыты. Одни, орудуя локтями и кулаками, пробрались к наглухо закрытым дверям. Другие, забыв, что ресторан находится на большой высоте, кинулись к окнам. Третьи зачем-то лезли на потолок. Крики перемешались со звоном разбитой посуды и треском вечерних платьев.

– Помогите! На помощь! Спасите! – слышались истошные женские голоса.

– С дороги! Пошли прочь! Ах, ты зараза! – вторили им мужские басы.

Все смешалось, замельтешило и завопило. Только что церемонно раскланивавшиеся люди теперь не желали друг друга знать.

– Пошел вон!

– Ах ты, наглец!

– Сейчас я до тебя доберусь!

Им вторили женские голоса.

– Помогите! Пожалуйста!

– Где, ты? Не оставляй меня одну!

– Кто-нибудь...

Стенания и плач возносились к холодному темному небу и отражались в десятках позолоченных зеркал. Люди умоляли. Они хотели лишь одного – выбраться из этого кошмара и скорее покинуть ужасное место, но Вельзевей был другого мнения. Он жаждал новых развлечений.

– Еще! Еще! Посмотри только на эти рожи! Это их назы-

вают сливками общества? – кричал он в исступлении. – Ха-ха-ха! Давай еще!

Церемониймейстер едва успевал отдавать приказы.

Сокрушая все на своем пути, измученная и оборванная толпа металась по ресторану. Под ее давлением выгнулось и лопнуло огромное зеркало. Осколки полетели вниз и упали на головы несчастных. Новая волна криков о помощи огласила празднично украшенный «Бужетель».

Церемониймейстер склонился к Вельзевею.

– Разбито венецианское зеркало восемнадцатого века. Может, господин хочет прекратить?

– К черту зеркало! – визжал Вельзевей. – Поддай еще жару!

Он выставил перед собой трость и ткнул ею в ближайший монитор.

– Давай! Покажи им, кто здесь хозяин! Ха-ха-ха!

Как по мановению руки в ресторане включилась пожарная сигнализация. С потолка на головы несчастных гостей полились потоки холодной воды. Свечи погасли, помещение наполнилось красным миганием. Вода охладила пыл дерущихся. Драка прекратилась. Отовсюду слышались жалобные женские стоны, голосившие в поисках своих мужей. Дамы дрожали от холода и обиды. Они плакали. Их прически опали и превратились в бесформенные нагромождения и узлы. Испачканные порванные платья, которые всего полчаса назад стоили многие тысячи, теперь негодились даже на поло-

вые тряпки. Мужья стыдливо поглядывали на своих жен, не в состоянии ничем помочь и никак их успокоить.

Вода все лилась и лилась, а Вельзевей не унимался. Он жаждал продолжения.

– Чего ты медлишь? Что дальше?

– Дальше будет конкурс красоты, – вкрадчиво проговорил человек за его спиной.

– Что за конкурс? Объясни!

– Когда они все станут похожи на мокрых куриц, – проговорил церемониймейстер. – Когда потечет тушь и размажутся губы, мы проведем конкурс красоты. Выберем, конечно, самую страшную. Но...

– Что? Что «но»? – Вельзевей от нетерпения затопал ногами. – Чего ты тянешь?

– Но мы выберем не одну, а трех «красавиц», – произнес церемониймейстер. – И подарим каждой из них охапку роз с особо длинными шипами. Тогда под занавес представления Вы сможете насладиться дракой трех страшных мегер. И конечно, каждая из них будет думать, что именно она является звездой сегодняшнего бала. Надеюсь, они догадаются использовать в качестве аргумента свои букеты.

– Отлично! Чего же ты ждешь? – Вельзевей нетерпеливо замахал тростью. – Продолжай!

В это момент к ним в комнату ворвался высокий молодой человек. Это был первый помощник Вельзевея – Галейн. Его костюм, как всегда, был безукоризнен, и это особен-

но импонировало его хозяину. Ослепительно белая сорочка Галеина резко контрастировала с черным с иголки костюмом. Единственно, что сейчас было несовершенно в облике Галеина – это слегка всклокоченная прическа, но этому было объяснение – он очень спешил.

– Прошу прощения, милорд, у меня к вам неотложное дело! – с порога выпалил первый помощник.

Вельзевей не удостоил Галеина даже взглядом и продолжал неотрывно смотреть в мониторы.

– Зайди завтра. Ты же видишь – я занят.

Галеин упрямо не уходил.

– Но это **ОЧЕНЬ** важно.

– Настолько важно, чтобы отвлекать меня сейчас? – взревел Вельзевей, но тут же впал в другую крайность и неожиданно захныкал, как ребенок, у которого забрали любимую игрушку. – Ты ведь знаешь, что я сейчас очень занят!

– Да, милорд! Но...

– Что «но»? – резко обернулся Вельзевей. Его голос снова был полон ярости и угрозы, а бесцветные глаза словно хотели пронизать Галеина насквозь.

Помощник съезжился, но нашел в себе силы продолжить.

– Дело не требует отлагательств, милорд.

– Говори быстрее! – прошипел Вельзевей.

Он знал, что первый помощник никогда бы не беспокоил его по пустякам. А судя по его виду и настойчивости, случилось действительно что-то экстраординарное.

– Я слушаю.

Галеин покосился на стоявшего рядом церемониймейстера.

– Говори при нем. Может, завтра его уже не будет в живых, – криво улыбнулся Вельзевей, и церемониймейстер стал будто в два раза меньше.

Вельзевей подошел к нему и похлопал по щеке.

– Не бойся. Мне понравилось сегодняшнее представление, и я хорошо награжу тебя, – затем снова обратился к Галеину. – Ну?

Личный помощник приблизился почти вплотную и заговорщическим голосом произнес.

– Чрезвычайное нарушение границы.

– Что? – Вельзевей снова начал выходить из себя. – Чего ты там шепчешь? Ты отвлек меня из-за какого-то нарушения? Каждый день в этот город прибывает тысячами всякий сброд, и ты возомнил...

– Вы не так поняли, господин... Извините, милорд! – поспешил поправиться Галеин.

Он пытался найти подходящие слова и все еще косился на стоявшего рядом церемониймейстера. Первый помощник старался говорить так, чтобы тот понял как можно меньше, но переусердствовал.

– По нашим данным, – продолжал Галеин. – К нам прибыл сам..., сама... другими словами, очень важная птица. Я бы даже сказал, птица очень высокого полета.

– Ты что, с ума сошел? Что ты мелешь? – вскипел Вельзевей. – Ты ворвался ко мне, чтобы сказать, будто в город прилетела какая-то птица? Да ты знаешь, что я с тобой сделаю?

Он в бешенстве замахнулся тростью. Галеин знал, какой опасный яд хранится в ее наконечнике и, прикрывшись руками, жалобно застонал.

– Милорд, не надо! Это Сципион! Это он! Он прилетел!

– Что?! – трость Вельзевея так и осталась висеть под толчком. – Ты сказал Сципион? Он в городе?

– Да... то есть пока нет! – Галеин покосился на страшный шип. – Он не в городе, но очень близко. Его засекли в часе полета отсюда. Он приближается с севера.

Вельзевей медленно опустил руку.

– Как он посмел?

Его глаза налились кровью, а лицо исказилось в злобном оскале. От ярости его затрясло. Таким «Хозяина Москвы» не видел даже преданный Галеин.

– Что-то еще? – приходя в себя, прошипел Вельзевей.

– Сципион не один – с ним четверо. Судя по размерам, грифоны.

– Ну что же, – оскалился Вельзевей. – Я лично встречу дорогого гостя. Лимузин к подъезду!

– Он уже там, милорд.

– Ты едешь со мной.

– Слушаюсь.

Не дойдя до двери, они услышали робкий голос церемо-

ниймейстера.

– А что делать с ними? – тот виновато указывал на светящиеся экраны.

Вельзевей резко обернулся и уставился на него холодным взглядом.

– Убей их всех!

У церемониймейстера перехватило дыхание.

– Шучу, болван! – губы Вельзевея скривились в презрительной ухмылке. – Открой двери и пусть это быдло проваливает из моего ресторана. Чтобы к моему возвращению здесь никого не было.

Средимосковская встреча

С высоты птичьего полета Москва была похожа на большую снежинку. Только эта снежинка была не того холодного голубого цвета, к которому привык Сципион. Москва сияла красными, желтыми, зелеными, какими угодно огнями, но все они были теплыми.

Сципион не любил тепло, и еще он не любил города, потому смотрел вниз неприязненно и брезгливо. В его отношении к Москве, как и к любому другому городу, было что-то первобытное. На ее месте он предпочел бы увидеть черноту непроходимых лесов или болот, а еще лучше каменную пустыню.

Сципион восседал на спине огромного орла. Исполинская птица взмахивала широкими крыльями, и эти мерные движения вводили ее седока в полусонное задумчивое состояние. Из-под надвинутого на глаза капюшона Сципион оглянулся на свой эскорт. На почтительном расстоянии за ним следовали четыре ворона. Они были почти невидимы на фоне ночного неба, но взгляд Сципиона, привыкшего к темноте, легко различал их. Каждый ворон был больше взрослого человека. На первый взгляд все они были похожи, но только не для Сципиона. Он как никто другой хорошо знал своих верных слуг.

Ближайшим по правую руку летел старый ворон. Его перья подернула седина. И немудрено – ворону шел двести шестьдесят седьмой год. Несмотря на почтенный возраст, седовласый ворон мог дать фору любому молодцу. По опыту и расчету равного ему было не найти. Недаром он дожил до своих лет и пользовался особым расположением Сципиона. Седовласый казался спокойным и невозмутимым. На самом деле он видел и слышал все, что происходило кругом, и неотрывно следил за малейшим жестом своего Хозяина.

Слева от Сципиона летел угрюмый широкий в крыльях ворон-черняк. Его оперение было особенно темным. От него не отражалось ни мерцание звезд, ни огни ночного города. Казалось, что любой свет исчезает в нем навсегда, так же как исчезали в нем крики и стоны его жертв. Ворон-черняк был глух к ним, и Сципиону иногда казалось, что это действительно так. За свою долгую службу у Сципиона этот ворон произнес не более трех десятков слов. А когда это происходило, вырвавшиеся из его глотки звуки заставляли сжиматься сердца и застывать в венах кровь. Единственное, что в ночи выдавало присутствие темного ворона – это едва слышные хлопки крыльев и металлический блеск на правом крыле. Эта блестящая полоса была у него с рождения. Каждый раз, когда черный ворон принимал человеческий облик, на его руке неизменно появлялся страшный кастет. Снять его никому не удавалось. Поэтому за глаза ворона прозвали Кастетом.

Вслед за Кастетом летел страдающий отдышкой толстяк. Сципион недолюбливал его за постоянные жалобы на свое воронье житье, но отказаться от его услуг не мог и держал при себе. Толстяк обладал необыкновенным нюхом на опасности и ловушки, но лучше всего ему удавалось находить золото. Он мог учуять его хоть под землей, хоть за сотню верст, и тогда между ним и драгоценным металлом лучше было не вставать. Толстяк шел к нему напролом до тех пор пока не получал вожаденное сокровище.

Четвертым, и последним в эскорте был молодой ворон. Сципион призвал его к себе недавно. Он заменил погибшего в недавней стычке верного, но туповатого Треклюва. Исполнительный был, но... дурак. Так и сгинул со всеми перьями.

Молодой ворон впервые забрался так далеко от родных мест и с удивлением озирает открывшийся внизу большой город. Вращая головой, он не заметил, как отбилса от стаи и спустился ниже. В тот момент, когда Молодой разглядывал освещенные улицы пригородов столицы, на него налетел припозднившийся подмосковный грач. Местный пернатый испугался встречи с таким гигантом и кубарем полетел вниз, раскидывая перья и что-то хрипло крича на своем языке. В эскорте услышали шум. Седовласый требовательным «Карр-р!» призвал Молодого вернуться в строй и тот незамедлительно исполнил приказ.

Внизу проплыла широкая полоса кольцевой автодороги. Слева черным пятном раскинулся парк Лосиный остров.

Под ними прямой линией светилось Ярославское шоссе. В этот поздний час оно было пустынно. Редкие машины спешили спрятаться во дворы, а пешеходов не было вовсе. Шоссе вело в центр. Вдоль него и направился вороний кортеж.

Неожиданно на их пути вспыхнул фейерверк. Обычный фейерверк. В любое другое время на него никто бы не обратил внимания, но только не сейчас. Опадая фейерверк застыл в форме стрелки. Она указывала вниз. Когда ее последние искры растаяли в воздухе, в небо взлетел новый фонтан огней. Он поднялся выше, и был ярче. На самом пике своего полета он сложился в форме руки с направленным вниз указательным пальцем. Видение тут же распалось, и, осыпаясь вниз, опять превратилось в стрелку. Затем исчезла и она.

Сципион проследил за знаками. В том месте, откуда взлетали фейерверки, он увидел длинный автомобиль, а рядом с ним – три или четыре фигуры.

– Кажется, нас встречают, – проговорил Сципион и, не оборачиваясь, махнул рукой. – Вниз!

Орел расправил крылья и стал спускаться. Через минуту его когтистые лапы высекли искры перед самым носом белоснежного лимузина. На капоте машины сиял металлический значок «VI». «Хозяин столицы» стоял рядом с автомобилем и, театрально отставив в сторону трость, с надменной улыбкой взирал на незваных пришельцев.

Сегодняшней ночью Вельзеве был в костюме кремового цвета. Длиннополый пиджак и необычного кроя брюки,

по его личному мнению, должны были символизировать его высочайшее пренебрежение ко всему устаревшему, а также недюжинный артистизм и прощение всякому, кто ослушивается его. Голову Вельзевея покрывал высокий в тон костюма цилиндр с широкой атласной лентой. Шею «великого артиста», каким он сам себя считал, обвивал легкий белый шарф, повязанный на манер франтов восемнадцатого века.

Сципион не спешил спускаться. Он сидел на спине орла, и с высоты рассматривал Вельзевееву свиту. Его взгляд остановился на Галеине. Тот несколько настороженно, но с любопытством тоже глядел на Сципиона. Главный помощник Вельзевея много слышал о «Владетеле северных лесов», но никогда не видел его живьем. Галеин даже вытянул шею, но капюшон Сципиона не давал разглядеть его лучше.

Позади Галеина стояли два габаритных телохранителя. В каждом из них было килограмм по двести живого веса, а может и не живого – слишком механическими и угловатыми были их движения. Квадратные подбородки, сторбленная шея и качающиеся у колен кулаки делали их похожими на больших неповоротливых обезьян. Низкий лоб и тупой упертый в одну точку взгляд говорил о том, что в этот момент в их головах не было ни одной мысли. Как и подобает телохранителям самого Вельзевея, они были одеты в отличные костюмы. Несмотря на сто десятый размер, одежда была им мала и трещала по швам. Может, как раз по этой причине телохранители были столь неподвижны. Единственное, что

отличало их от мебели – они постоянно жевали.

Закончив осмотр, Сципион вернулся к Вельзевею. Законодатель московской моды был очень разозлен тем, что ему испортили вечер, а теперь еще заставляют ждать. Недовольный затянувшейся паузой, он начинал заметно нервничать. Наконец, не выдержав, Вельзевей воскликнул.

– Ты так и будешь сидеть на своей птице или спустишься к нам?

Сципион ухмыльнулся. Перекинув ногу через шею орла, он пружинисто прыгнул на землю. На его сапогах тонко пропели шпоры. Он потянулся, и под темной накидкой хрустнули затекшие суставы. В нем оказалось не менее двух метров роста. Худая бледная ладонь с шестью невероятно длинными пальцами протянулась к орлу, и потрепала того по шее.

– Хороший, Орлик! Молодец!

Тот в ответ вздрогнул и издал приглушенный клекот. Орел не сводил взгляда с Вельзевея и его слуг. Широкие крылья угрожающе били по земле. В любое мгновение он готов был кинуться на защиту своего хозяина.

– Ну-ну! Успокойся! – гладил его Сципион. – Здесь все свои. Здесь нам рады. Видел, какие в нашу честь салюты запускали? Правда, Вельзевей, ты ведь рад мне?

С этими словами он откинул капюшон. Невольный стон вырвался из груди Галеина. Он увидел лицо живого мертвеца – ни волоска, ни бровей. Впалые щеки и нос Сципиона,

иссиня темная в пятнах кожа и холодный неживой блеск глаз – вот что скрывал темный капюшон.

Вельзевей тоже не на шутку испугался. Он давно не видел Сципиона и отвек от его облика. Сделав над собой огромное усилие, он взирал на Сципиона широко открытыми глазами.

– Спасибо, что встретил! – ледяным голосом продолжал Сципион. – Надеюсь, ты не будешь против, если я немного погощу у тебя?

К Вельзевею вернулся дар речи.

– Все зависит от того, зачем ты явился, – ответил он не очень дружелюбно, и тщательно скрывая дрожь в голосе. Затем прокашлялся и добавил уже более уверенным тоном. – Может, объяснишь, чем обязан твоему внезапному появлению? Насколько помню, я тебя не приглашал.

Сципион будто не слышал его. Он обвел взглядом широкий проспект.

– Вижу, ты хорошо устроился! Здесь есть, где разгуляться. Последний раз, когда мы с тобой встречались... М-м-м, когда же это было... Не напомнишь? Если мне не изменяет память, сто пятьдесят лет назад. Да-а-а... Сейчас я точно вспомнил, в те времена на этом месте был лес. – Сципион повысил голос. – МОЙ лес! Не подскажешь, почему так произошло, что ты украл его? Украл мой лес. А в придачу к нему поля, реки, озера... Всего... Подайте-ка мне список, – он протянул руку, в которую стоявший за его спиной Седовласый услужливо вложил увесистый сверток.

Сципион церемонно развернул его. Список оказался очень велик. Его конец выскользнул из рук Сципиона и, упав землю, покатился. Несмотря на то, что их разделяло расстояние в добрых тридцать шагов, Сципионов свиток остановился лишь упершись в новенький ботинок Вельзевей. «Хозяин Москвы» вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Терпеть выходки выжившего из ума лесного старика было ни в его правилах.

– Прекрати этот цирк! – выкрикнул Вельзевей. Дрожа от бешенства, он стукнул тростью. – Это не твой лес, не твоя река и все, что там еще у тебя написано. Это мой город, и здесь все принадлежит мне. А ты!... Ты нарушил Договор и должен...

– О, ты вспомнил про Уговор? – несуществующие брови Сципиона поползли вверх. – А я думал, ты давно забыл о нем. Тогда как ты объяснишь все это?

Сципион показал на стоящие вдоль проспекта дома.

– Ровно сто пятьдесят лет два месяца и тринадцать дней назад мы с тобой подписали Уговор...

– Договор, – поправил его Вельзевей.

– Не перебивай меня! – рявкнул Сципион. – Мы подписали Уговор. Я поклялся не вмешиваться в твои дела, а ты должен был не соваться ко мне. И что я вижу? С каждым годом твой город становился все больше. Сначала тебе понадобилось место для новых жителей, потом для этих фабрик и заводов, затем еще, еще и еще. Все эти годы ты нарушал

наш Уговор, а я наблюдал. Я молчал, когда ты забирал мою землю. Я молчал, когда ты забирал моих людей. Когда тебе становилось мало, ты брал снова.

С каждым словом голос Сципиона становился все громче.

– И теперь пришло время платить.

Визг Вельзевея разорвал ночной воздух.

– Молчать! Молчать! Иначе...

– Что «иначе»? – оскалился Сципион. – Что ты сделаешь мне, жалкий фигляр? Ты, который не знает и сотни заклинаний. Ты, который всю жизнь прятался за спинами других. Ты, который, – Сципион брезгливо скривился, и его страшное лицо стало еще ужаснее. – Который пудритя и красит ногти...

Вдруг он остановился.

– Ах, извини! – Сципион изобразил уважение и сложил на груди шестипалые ладони. – Я и не заметил – твой наряд! Где ты взял такую шапку? Когда-то в цирке я видел, что из таких доставали кроликов. Неужели ты взял ее, чтобы показать мне фокус? Выходит я зря сомневался в твоих способностях? – лицо Сципиона исказила беззубая ухмылка. – Что же – я посмотрю. Очень мило с твоей стороны показать, что ты еще на что-то способен.

Вельзевея не задел его выпад.

– Полегче! Что бы ты не говорил, а здесь хозяин я. Я – Вельзевей Первый и никто другой. Времена, когда дела делались по старинке давно прошли. Сейчас все делается по-

другому. Взгляни на календарь, если, конечно, знаешь, что это такое. Мы живем в двадцать первом веке. Никто давно не верит в сказки. Никто не колдует и не шепчет заклинаний. Никто не насылает тучи саранчи и не превращает людей в соль. Сейчас совсем другое время.

– Какое же? – Сципион показал на темные окна домов. – Что изменилось? Может быть эти люди? Они придумали что-то такое, что может меня остановить? Кто мне помешает стереть этот проклятый город с лица земли, если я того пожелаю? Покажи мне хоть одного, кто достоин моего мизинца.

– Ты слишком высокого мнения о себе и о своих способностях! – Вельзевей высоко поднял голову. – Если ты не слышал в первый раз, я повторю – все изменилось. Ты вылез из пещеры, где подтирался листком, а в мире это давным-давно делают...

– Как?

Вельзевей не ожидал такого вопроса и на секунду смолк.

– Не важно, – поспешил продолжить он. – Послушай меня – не лезь в мой город, а я не буду лезть в твое болото. Ты говоришь, что я украд у тебя людей. Может быть, но я не звал их. Если они прибежали ко мне, значит, они сами того захотели. Знаешь такую штуку – «демократия» называется. Кто что хочет, тот то и делает.

– Плевал я на твою демократию! Ты нарушил Уговор, и ты за это ответишь. А если не хочешь по-хорошему...

– Не пугай меня, Сципион. Ты слишком отстал от жизни, – Вельзевей изобразил сочувственную гримасу. – Если твое колдовство, как у старины Хоттабыча, в твоих волосах, то открою тебе тайну – у тебя их больше не осталось, – довольный своей шуткой он рассмеялся. – Поэтому, лучше возвращайся туда, откуда пришел. Пора тебе уяснить – сейчас все в мире решают деньги. И еще новые, я бы сказал, высокие технологии.

Сципион не верил своим впалым ушам.

– Ты в своем городе совсем спятил! Деньги никогда не имели для меня никакого значения. Мне нужны не деньги, а души.

– Души очень хорошо покупаются за деньги, – отрезал Вельзевей. – Если бы ты хоть иногда вылезал из своей пещеры, то знал бы, что миром гораздо проще управлять с помощью вот этих бумажек, – Вельзевей достал из кармана пачку купюр. – И вот таких маленьких чудо-устройств, – он повернулся к Галеину и взял из его рук портативный компьютер.

Сципион уставился на непонятную блестящую штуковину.

– Стоит мне одним пальцем коснуться здесь, – продолжал Вельзевей. – И завтра в Москве будет новый мэр, а нажму вот тут, и половина города встанет в пробках. А если захочу...

Его прервал гортанный смех Сципиона.

– Ха-ха! Стоило для этого выдумывать всякую дрянь и тыкать в нее пальцами. Город отшиб тебе последние мозги. Ты

забыл, что желания исполняются по одному хлопку ладоней.

Вельзевей сделал жест, словно хотел избавиться от назойливой мухи.

– Ты так ничего и не понял! И я еще раз убедился, что тебе здесь не место. Забирай своих птичек и возвращайся туда, откуда пришел. Я прощаю тебе нарушение Договора и отпускаю.

– Как бы не так! – процедил Сципион. – У меня есть кое-какое дело в этом городе, и я его закончу. Хочешь ты того или нет.

Его рука вытянулась вперед. Из растопыренных пальцев выскользнуло что-то блестящее и повисло на серебряном шнуре. Это был амулет. И без того бледное лицо Вельзевея побелело еще больше.

– «Смертный шип», – невольно вырвалось у него.

– О, я вижу, ты узнал его, – довольным голосом протянул Сципион. – Да, это он. Но не бойся – он не для тебя.

Амулет посверкивал металлическими краями. Он состоял из двух частей – темной и светлой. Обе половинки были прочно соединены. Их края, больше напоминающие острые шипы, были закручены в противоположные стороны. В центре светлой половины была буква «М», в центре темной – «И».

Как только амулет выпал из ладони Сципиона, теплая московская ночь стала прохладной. Казалось, что этот маленький кусок металла забирал тепло у всего вокруг. Вельзе-

вей передернул плечами. Он смотрел как замороженный, не в силах оторвать взгляда от тускло сверкавших граней. За его спиной Галеин с беспокойством оглядывался по сторонам, не понимая, почему вдруг стало так холодно. Даже толстокожие телохранители на какое-то время перестали жевать, но потом снова вернулись к своему делу.

Спустя минуту Вельзевей снова обрел дар речи и постарался принянь как можно более невозмутимый вид.

– Можешь пугать этой штукой маленьких детей. А сейчас – убирайся из моего города!

– Да как ты!.. – Сципион взмахнул рукой.

Он целил в Вельзевея. Плотный сгусток воздуха, настолько плотный, что в нем искажались предметы, вырвался из пальцев Сципиона. Он мог бы размозжить Вельзевею голову, если бы не его телохранитель. С непонятно откуда взявшейся молниеносной реакцией квадратная махина встала между соперниками и приняла на себя всю мощь удара. Покачнувшись на ногах-столбах, он устоял на месте, но поплатился правой рукой. Она с хрустом оторвалась от его тела и отлетела назад.

Воздушная волна, срикошетив от первого телохранителя, лишь слегка задела Вельзевея, сбив с его головы цилиндр. Намного хуже пришлось Галеину. Его крепко швырнуло и если бы не густая крона стоящих неподалеку деревьев, неизвестно чем бы закончился его полет.

Вельзевей не сразу понял, что произошло, и осторожно

ощупал прическу. В это мгновение над ним пронеслась вторая воздушная волна. Она вернула Вельзевея к реальности, и тогда он закричал.

– Огонь! Убейте их! Убейте всех до одного!

Его слова потонули в грохоте выстрелов. Оба телохранителя открыли шквальный огонь по Сципиону, орлу и поднявшимся в воздух Воронам. Те кружили над головами, грозя в любой момент нанести удар. Вельзевеева охрана как щит закрыла своего хозяина. Выставив перед собой три из четырех оставшихся рук, телохранители стреляли изо всех пальцев, каждый из которых был по совместительству стволом пулемета. Они изрыгали очереди разрывных и зажигательных пуль, погрузив округу в невыносимый грохот и шум. В ближайших домах зазвенели стекла, со стен полетела штукатурка. Стволы деревьев трещали, с них падали оторванные ветки.

– Убейте их! – закрывая руками уши, вопил Вельзеей.

Через минуту он осмелел настолько, что стал подхватывать с земли еще горячие гильзы и бросать их в сторону Сципиона.

Несмотря на ожесточенность схватки, противники не смогли нанести друг другу серьезных повреждений. Только оторванная рука телохранителя говорила о том, что здесь никто не намерен шутить. Вороны зигзагами носились на фоне темного неба и никак не попадали в прицел. Сципион окружил себя и своего Орлика прочной невидимой защитой,

сквозь которую не могли прорваться ни пули, ни снаряды. Его собственные попытки добраться до Вельзевея тоже были безуспешны. Телохранители стояли как вкопанные. Словно живая стена, они никого не подпускали к своему Хозяину. А он в свою очередь искал пути, чтобы ретироваться с поля боя, где его макияжу могли нанести непоправимый урон, но пока не находил их.

После нескольких попыток достать Вельзевея, Сципион понял их бесполезность. Его собственная защита становилась все слабее и вскоре могла не выдержать. Нужно было что-то делать, и он решил прибегнуть к отвлекающему маневру. Длинные пальцы сложились в хлестком щелчке. Асфальт у ног Сципиона вспучился и поднялся волнами. Как круги от брошенного в воду камня асфальтовые валы понеслись к Вельзевею. С глухим ревом они подкатили к телохранителям и раскидали их в стороны. Лавина мелких камешков ударилась о землю, подняв в воздух тучи пыли.

Воспользовавшись минутной заминкой, Сципион вскочил на орла. Его черная накидка разлетелась по крыльям. Шпоры вонзились в бока птицы, и та взмыла в воздух. Следом за ней последовали вороны.

Когда пыльное облако стало редеть, Вельзевей увидел, что его противников больше нет.

– Хватит! Хватит! – он заколотил руками по широким спинам своей охраны. – Вы что, не видите, что там пусто?

Выстрелы прекратились. За Вельзевеем послышались

шаркающие шаги. Он обернулся и увидел Галеина. Тот, держась рукой за окровавленный бок, ковылял к своему господину.

– Где же ты был все это время? – с нотками сарказма спросил Вельзевей. – Как всегда пришлось все делать самому. И, конечно, я показал ему, кто здесь хозяин. Что ты скажешь на это?

Он задергал руками, словно боксируя с невидимым противником. Галеин не мог вымолвить ни слова. Его лицо перекосило от боли. Было видно, что каждое движение дается ему очень тяжело. И все же он нашел силы и прошептал.

– Вы были великолепны, милорд!

– Я это знаю! И никому не позволю нарушать границу моих владений! – Вельзевей запальчиво помахал тростью в небо. – Иначе я за себя не отвечаю.

Вдалеке послышался вой полицейских сирен. Вельзевей понял, что здесь делать больше нечего. Опустив глаза на свои ботильоны, он недовольно поморщился – те были в серой пыли.

– Фу! – он потопал ногами. – Моя новая обувь. Даже не успел к ней привыкнуть.

Он развернулся и, не говоря больше ни слова, поспешил к лимузину. За ним заохал Галеин. Последними, подхватив оторванную руку, двинулись телохранители. У автомобиля не было дверей. Вместо них по бокам лимузина открывались два больших проема. Каждый телохранитель встал против

каждого из них и словно по команде шагнул внутрь. Они не исчезли внутри автомобиля, а слились с ним в одно целое. Снаружи остались только гладкий металл и бронированное стекло, и ни какого намека на дверь. Мотор взревел, и мощная машина сорвалась с места. Скрипя покрышками на резком повороте, она развернулась и помчалась в сторону центра.

Не успел лимузин скрыться из вида, как из соседнего переулка выехали три одинаковые необычного вида тягачи. Они двигались быстро и почти бесшумно. Складывая на ходу антенны и расчехляя ряды мощных прожекторов, тягачи приблизились к месту недавнего сражения. На дверях автомобилей была нарисована разрезающая тучу молния, а под ней цифра «0».

Прожектора зажглись, и тягачи начали свою работу. Два автомобиля двинулись вдоль домов, освещая их стены и окна. Под действием необычного света пулевые отверстия и разбитые стекла зарастали на глазах. Все принимало свой прежний вид. Третья машина работала на проезжей части. В ее задачу входило вернуть на место вздыбленный и разбросанный по округе асфальт. Единственное, что было не в силах чудо-машин, это приделать на место обломанные ветви деревьев. Их попросту засосали в большой специальный бак, в котором перемололи и, добавив еще пару ингредиентов, как удобрение рассыпали по газонам. Через несколько минут все было сделано. Лишь черный след от покрышек лимузина

напоминал о том разгроме, который устроили здесь два старых противника – Вельзевей и Сципион. Как всегда группа обнуления сработала быстро и четко.

Дверь одной из машин отворилась, и из нее выскочил пес Аркан. Рядом с ним спрыгнул на землю капитан Правдин. Вой полицейских сирен приблизился настолько, что пора было затыкать уши. В преддверии появления представителей правопорядка, огромные тягачи мгновенно покрылись слоем мельчайших зеркал и стали почти невидимы. Со стороны могло показаться, что на пустынном проспекте находятся только двое – человек и собака.

В нескольких шагах от них остановились красно-синие огни полицейских автомобилей. Из первого вышел подтянутый, но уже слегка полноватый майор. Сделав несколько шагов, он недоуменно огляделся и вперил грозный взгляд в Правдина.

– Вы что здесь делаете?

– Гуляем, – невозмутимо ответил тот. – Или это запрещено?

– Нет, но сейчас поздно, и это подозрительно..., – прорычал полицейский, но был прерван.

– Подозрительно, если бы мы прятались или скрывались. А мы стоим, то есть гуляем – подходи, становись рядом. Мы не против. Проспект большой – всем места хватит. Разве не так?

С этим спорить было трудно. По звучавшим в голосе

Правдина ноткам гулять в три часа ночи было обычным делом. И незачем задавать глупые вопросы? Спесь мигом слетела с полнощекого майора. Он даже засомневался в справедливости своих требований. Нерешительно потоптавшись на месте, полицейский стал извиняться.

– Понимаете, такая работа, всех допра... спрашивать.

Немного помявшись, он решился на последний вопрос, просто так, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Вы тут случайно никого не видели?

Спросил, а сам бочком попятился к машине, но не тут-то было. Ответ Правдина окатил его как холодной водой и заставил остановиться.

– Видели. Такое видели, что и не каждому расскажешь, – капитан призвал к себе пса. – Правда, Аркаша?

Пес утвердительно кивнул. Майор застыл на месте, держась за ручку дверцы. Путь назад был отрезан. Теперь он просто был обязан задавать вопросы. А что оставалось делать? Окончательно теряя уверенность, он заискивающе спросил.

– А мне расскажете?

Напарники переглянулись. Правдин будто спрашивал у Аркана, можно ли доверить этому полицейскому, пусть даже майору, их тайну. Наконец, посоветовавшись, они решили.

– Да, мы расскажем вам, – согласился Правдин.

– И что же это было? – прочищая пересохшее горло, спросил полицейский.

– Но мы же договорились рассказать только вам. Они пусть закроют уши.

Майор обернулся к своему кортежу. Крыши и капоты машин были усеяны головами его подчиненных.

– Скройтесь! – нетерпеливо прикрикнул он, и полицейские фуражки.

Потом нетвердой походкой подошел ближе и, не зная к кому обратиться, выдавил.

– И?

Правдин, озираясь словно их мог кто-то подслушать, прошептал майору на ухо.

– Здесь были орел и четыре ворона.

– Четыре вороны? – с недоумением повторил полицейский.

– Не четыре вороны, а четыре ворона, – поправил его Правдин. – Вы же взрослый человек – должны разбираться в таких вещах. Такие огромные. И орел. Тоже вот такой.

Правдин развел руками, показывая, каких размеров были птицы. На этот раз Аркан не поддержал своего напарника и, несогласно рявкнув, обежал круг, показывая каким большим на самом деле был орел. Потом, расставив лапы, постарался показать размах его крыльев, но в этом не достиг больших успехов. К тому же его прервал капитан.

– А я что говорю? Конечно, он был огромный, – он нарисовал в воздухе воображаемый круг. – Это я только его глаз показал. А крылья... его крылья были вот такими.

Широко шагая, он принялся ходить по дороге.

– ... три, четыре, нет вот такие. Пять шагов. Да, точно. А клювище какой был!

Капитан выставил перед собой руки и показал что-то смахивавшее на пасть аллигатора. Рядом с ним нетерпеливо залаял Аркан.

– Что опять не так? – возмутился Правдин. – Хочешь сказать, что я говорю неправду?

Аркан громко отвечал на своем языке. Майор затравленно переводил взгляд с одного на другого. Это было ни на что не похоже – человек спорил с собакой, какого размера глаза у орла! Просто идиотизм какой-то. Конечно, кому еще взбредет в голову слоняться по ночному городу. Только вот таким... Голова майора начинала медленно кружиться. В этот момент Правдин, словно что-то вспомнив, стукнул себя по лбу.

– Ну, конечно. Как же я мог забыть. Мы не рассказали, какие у него были когти.

– Когти? – сдавленно пропищал покрывшийся испариной майор.

Он только и думал, как быстрее избавиться от этой парочки полуночных придурков. Вытирая вспотевший лоб, он то и дело оглядывался на спасительный кортеж. Там к лобовым стеклам полицейских машин прижались округлившиеся от удивления два десятка пар глаз.

– Да, знаете, такие когти – настоящие, орлиные. Он стоял

вот здесь и сркѣб ими. Смотрите, вот след! – рявкнул Правдин, указывая прямо под ноги побледневшему майору.

Тот как заяц с жалобным криком отскочил в сторону.

– Нет, здесь. Точно! – крикнул Правдин и снова ткнул пальцем под ноги полицейскому. И без того уже затравленный тот подплясывал как на горячих углях. – Вы еще не видели, какие он высекал этими когтями искры. Вот так. Фур-рх! Фур-рх! У меня аж мурашки. Вот такие мураши.

Капитан повернулся к Аркану.

– Ну, это ты – у тебя лучше получится.

Пес только этого и ждал. Готовясь сделать прыжок, он прижался к земле, и это стало последней каплей. Виляя толстым задом, майор неся к своей машине и, махая фуражкой, что-то громко кричал. Хлопнула дверца и, взыв сиренами, полицейские рванули прочь.

Правдин бежал следом за уносившейся кавалькадой.

– Подождите, мы еще не рассказали о воронах. Вы не записали их особые приметы.

Рядом с ним, весело лая, скакал Аркан. Правдин остановился и радостно рассмеялся.

– Дай лапу, друг! Есть и в нашей работе хоть какие-то развлечения.

Аркан поднялся на задние лапы и стукнул напарника по подставленной ладони.

– Вот так! А теперь по машинам. Ночная смена закончена. Пора возвращаться.

Тем временем орел и четыре ворона набрали высоту.

– Высокие технологии, говоришь, – скрежетал редкими зубами Сципион. – Хорошо! Посмотрим, что ты ответишь на высокое колдовство!

Он направил орла к высокому зданию, которое давно заметил. Это была башня «Меркурий».

Тим проснулся от необычного звука.

– Алиса, – позвал он и пошарил рукой по кровати.

Кошки не было. Зато что-то стояло в квадрате окна. Присмотревшись Тим различил силуэт птицы. Она неуклюже переминалась на лапах. Ее когти скользили по подоконнику и неприятно скрежетали. Птица взмахивала крыльями, и каждый взмах сопровождался металлическим лязгом. Ее клюв рыскал по комнате.

Заметив Тима, птица на мгновение замерла и тут же кинулась на него. Но не успела она оторваться от подоконника, как ей навстречу метнулась гибкая кошачья тень. Она вцепилась в непрошенную гостью и повалила на пол. Раздался дикий вой и сдавленное хрипение. Клубок шерсти и перьев, издавая лязг, визг и шипение, кубарем покатился под Тимова кровать.

Еще не проснувшийся Тим прижался к стене, но толчки из-под кровати скоро выбили из него сон. Под ним зазвенело разбитое стекло, послышался треск распоротой ткани, и

в следующую секунду комнату наполнило облако пуха. Из него выскочила помятая птица. Она доковыляла до середины комнаты и попробовала взлететь, но не успела.

– Рр-р-мяу!

Алиса снова была рядом. Со страшным воем она вонзилась незваной гостье в горло. Резкими движениями птица поднялась в воздух, но неверные взмахи крыльев отбросили ее к зеркалу. Перья скользнули по стеклу, высекая снопы искр. Последним усилием пернатая хищница сбросила кошку и добралась до окна.

Ее когти закрипели по подоконнику и... застряли. Как она не старалась, одна лапа прочно завязла в коварной щели. Птица гремела, звенела и лязгала клювом, но вырваться из плена не получалось. Тим смотрел на все широко открытыми глазами и, наконец, понял, что дальше расслаиваться нельзя. Под окном стоял веник. Тим схватил его и со всего маху ударил по копошившемуся комку перьев.

– Пошла отсюда!

Это помогло. Птица подскочила и, грузно перевалившись через подоконник, упала во двор.

На полу послышалось жалобное мяуканье. Там сидела Алиса и тяжелыми движениями лизала окровавленный бок. Вокруг нее кружился пух. Опадая на пол, он увязал в луже крови. Тим бросился к кошке.

– Алиса! Алисочка!

В комнату вбежала Василиса.

– Что случилось?

– Здесь была... птица, – Тим от волнения не мог говорить. – Алиса дралась... и она улетела...

Тетка бережно подняла кошку и направилась к двери. Тим последовал за ней, но на пороге Василиса повернулась.

– Оставайся! Закрой окно и ложись спать.

– Но я...

– Никаких «но», – твердо проговорила тетка. – Я сама о ней позабочусь, а ты спи. Завтра утром обо всем поговорим.

В комнате царил полнейший беспорядок. Улегшись на край кровати, Тим пошарил рукой по полу и вскрикнул. С порезанного пальца капала кровь. Обмотав его первой попавшейся тряпкой, Тим достал из шкафа фонарик.

У кровати, среди осколков разбитых банок и в пухе из испортой перины, лежало перо. Оно было металлическим. На твердом стержне тускло поблескивало стальное опахало. Одна его сторона оказалась острой как бритва, а другая была покрыта маленькими, но прочными железными крючками.

Тим провел пером по полу. На паркете осталась тонкая линия. Ого! На одной из полок шкафа нашлась пустая коробка от давно выброшенной шариковой ручки.

«Вот так будет лучше, – подумал Тим. Вкладывая туда перо. – А теперь спать».

Несмотря ни на что, день новоселья подошел к концу.

Снова в школу

Оставшуюся часть ночи Тим провел в полусне. Он ворочался и просыпался от каждого шороха. Несмотря на это, утром чувствовал себя свежим и бодрым. Соскочив с кровати, он поднял облако пуха, осторожно ступая, подошел к окну. Подоконник пересекали четыре глубокие царапины.

«Интересно, что было бы, доберись эти когти до меня?» – подумал Тим и приник щекой к стеклу. Он мог видеть только часть двора – деревья, машины, лавочки. По дорожке прошел человек с портфелем. Из подъезда вышла мама с маленьким сыном. Тот держал ее за руку и весело скакал. Вскоре они скрылись за углом.

Тим отворил раму и выглянул наружу – во дворе было тихо и безлюдно. Никаких признаков ночной гостыи. Оглядев пустынный двор, Тим затворил окно и отправился к Василисе.

Тетка уже была на ногах а, скорее всего, еще не ложилась и сидела рядом с Алисой.

– Как она? – спросил Тим.

Кошка была в бинтах. Свободными от перевязки оставались только голова и передние лапы. Ее живот двигался в такт частому дыханию, глаза были прикрыты. Тим хотел ее погладить, но Василиса остановила.

– Не беспокойся. Ей нужно меньше двигаться. Слава Богу, порезы не очень глубокие – быстро заживут. Через неделю она принесет нам своих первых московских мышей, – тетка грустно улыбнулась.

Тиму не терпелось поговорить о ночном происшествии.

– Ты знаешь, что вчера случилось в моей комнате? Что это была за штука?

– Что бы это ни было, Тим, нам нужно быть осторожными.

– Осторожными? Мы снова переезжаем?

– Нет, никуда мы больше не поедem. Просто какое-то время нужно быть очень внимательными.

– Если ты что-то знаешь, скажи мне. Почему ты от меня все время что-то скрываешь? Зачем вообще все эти переезды? Мы что – от кого-то убегаем? Я тоже хочу знать, что происходит. Вчера вечером ты говорила, что на утро все прояснится. А теперь все запуталось еще больше.

– Я думаю, что больше ничего плохого не произойдет, но что бы ни случилось, нам нельзя ссориться.

Несколько минут они молчали, но Тима словно раздирали. Он встал и решительно направился к двери.

– Ты куда?

– Хочу немного прогуляться.

– Никаких прогулок. Даже не думай – сейчас пойдем в школу.

– Куда? – Тим не верил своим ушам. – Но ведь...

– Да, я знаю, что до конца учебного года осталось две

недели. Ничего страшного. Как раз успеешь познакомиться с новым классом. А пока пойди и наведи порядок в своей комнате.

Тим вышел, хлопнув дверью. Ему хотелось делать все что угодно, только не то, что говорила тетка. «Нужно навести порядок? Хорошо, я приберусь!» Он схватил веник и с размаху швырнул его на пол. Комната наполнилась потревоженным пухом. Отмахнувшись от него, Тим заглянул под кровать. К его удивлению дыра на перине была зашита, но пуха, который витал вокруг, залетая в нос и рот, стало еще больше.

Когда-то давно Василиса рассказывала про эту перину интересные истории. Например, если ее хорошенько взбивали, спящему снились вещие сны. А еще, эту перину нельзя продавать, но можно «поделить». Однажды Тим сам был свидетелем того, как это делается. Василиса высыпала из перины весь пух и стучала по нему скалкой до тех пор, пока пуха не стало в два раза больше. Потом засунула половину пуха обратно, а вторую отдала соседке. Та была на седьмом небе от счастья.

Тим отыскал веник и размашистыми движениями стал выгонять пух в растворенное окно. Порядка от этого не прибавилось, а пух множился прямо на глазах. Тим стоял уже по колено в нем. За окном картина оказалась еще более впечатляющей. Пух разлетелся повсюду – он летал по двору, ложился на деревья, скамейки и качели. Он кружился по земле и поднимался над крышей. Пух залетал в соседские окна

и... Кто-то чихнул.

– Это что еще такое?

По двору размашистой походкой шел человека с метлой. Похоже, это был местный дворник. Не дожидаясь, Тим быстро захлопнул окно и отправился за пылесосом. С ним дело пошло быстрее. Только он успел закончить, как в комнату заглянула Василиса.

– Уже убрал? – недоверчиво произнесла она. – Отлично. Тогда пойдем.

После недолгих сборов они вышли во двор. Ступив на пуховую поземку, Василиса невольно сбавила шаг и посмотрела на Тима. Тот сделал вид, что не заметил ничего необычного, и тетке ничего не оставалось, как только укоризненно покачать головой. По пути они обогнули группу жильцов, перед которыми с жаром выступал дворник. Тот заламывал руки и с надрывом голосил.

– Да как же это называется? Ведь с утра до ночи не разгибаясь, и на тебе... Да пропади оно все пропадом... Вот Палыч с соседнего двора. Ему, пожалуйста, и метлу с кленовыми прутьями и мусоровоз каждый день, а тут... Тьфу, метелка из орешника. Она же не метет. Не метет! Смотрите. Одно название – метла... А вчера, значит, вечером...

На улице Василиса свернула направо.

– Куда мы идем? – спросил Тим, едва успевая за теткой.

– Как «куда»? Ты что, забыл? В школу.

– И ты знаешь, где она?

– Конечно, – улыбнулась Василиса. – Для этого не нужно быть ясновидящим.

– Интересно узнать, – произнес Тим.

У него была привычка подолгу обижаться на тетку, пока та первая не начинала искать примирения, но в этот раз он сам решил пойти на мировую.

– Очень просто, – ответила Василиса, не сбавляя шага. – В нашем «спальном» районе по утрам очередь из машин может выстроиться или в детский сад, или в школу.

Она указала вперед. Там, на повороте в узкую, неприметную улочку, стояла вереница автомобилей. Одни машины въезжали, другие, протискиваясь им навстречу, выбирались обратно.

– Во-вторых, только около школы можно встретить такое количество киосков с шоколадом и жвачками. В-третьих, пора бы уже запомнить, что у тебя не обычная тетка и с ней лучше не спорить.

И правда, они вскоре подошли к школе. Трехэтажное серое здание пряталось за высокими тополями. Новые пластиковые окна резко выделялись на старой кирпичной стене.

Василиса и Тим поднялись по широким ступеням и вошли внутрь. На первом этаже царил полумрак. Через галдящую толпу школьников навстречу им вышел человек в форме. Охранник был подпоясан белым ремнем, который эффектно подчеркивал его круглый, как арбуз, живот. Он был невысокого роста – гораздо ниже Тима, но его ноги в вы-

соких узких ботинках были расставлены так широко, будто охранник собирался сесть на шпагат. Левой рукой он держался за ремень, а правой не переставая крутил резиновую дубинку.

– Вы к кому? – необычно высоким голосом спросил охранник.

– Нам нужно устроить одного молодого человека в девятый класс, – сказала Василиса.

– Тогда вам к директору – к Амальгаме Мартовне, – он указал дубинкой в конец темного коридора. – Кабинет №6. Спросите у секретаря.

В кабинете с табличкой «Секретарь» сидела худенькая девушка. В противоположность этому очки на ней бфли такими большими, что казалось вот-вот перевесят ее.

– Здравствуйте! Подскажите, как нам увидеть Амальгаму Мартовну?

Не успела Василиса договорить, как из боковой двери появилась невообразимых размеров дама. На ней было черное в пол платье, на голове – высокий кокон бронзовых волос. Обширная фигура дамы с немалыми усилиями протискивалась в дверной проем. При взгляде на нее создавалось впечатление, что все, что находится выше талии, живет своей отдельной жизнью. Голова, руки и корпус дамы поворачивались куда угодно, только не туда, куда она шла. Обернувшись, она беседовала с сопровождавшим ее седым господином в коричневом костюме в оранжевую полоску. Сказав па-

ру фраз, она повернулась совершенно в другую сторону и, не обращая внимания на то, что ее живот вот-вот выдавит в книжном шкафу стекло, стала смотреться в зеркало. Поправив прическу, она окончательно выкатилась из двери.

– ...Адам Феликсович, – низким грудным говорила дама. – Вы всегда умели ценить настоящую женскую эрудицию. Я не устану повторять, что ни один мужчина на свете не понимает нас женщин лучше, чем вы. И поверьте мне, это не пустые слова.

– Что вы, что вы, Амальгама Мартовна. Право, когда находишься в обществе такой высокообразованной дамы как вы, поневоле становишься ценителем не только острого женского ума, но и всепобеждающей женской красоты.

– О, вы мне льстите, Адам Феликсович!

– Ничуть, Амальгама Мартовна. Я наслаждаюсь нашим разговором и вашим обликом. Как шмель в летний день, я вкушаю от общения с вами, словно сладкий нектар от божественного цветка. И не могу оторваться.

– Опять вы шутите. Ха-ха! Мне всегда нравилось ваше чувство юмора. Как вы тогда сказали – «Ах, подайте мне ландо, нужно ехать в ГОРОНО». Это феерично! Ха-ха! – гортанный смех дамы наполнил комнату и разнесся эхом по опустевшему школьному коридору.

– Амальгама Мартовна, вы всегда могли разглядеть в вашем верном почитателе те крупинки таланта, которыми он незаслуженно награжден природой. И ваши слова, как баль-

зам, всегда лечили душу жаждущего похвалы певца слова и рифмы. Но... – господин в коричневом костюме сделал трагическую паузу. – ...к моему великому сожалению, я должен покинуть вас. Ибо меня ждут там, – Адам Феликсович поднял кверху указательный палец. Вместе с пальцем поднялись его брови.

– Как жаль, что вы так скоро покидаете меня. Непременно приходите еще. Дайте слово, что зайдете на будущей неделе и пробудете у меня хотя бы два урока. Обещаете?

– Для вас что угодно, лучезарная Амальгама Мартовна. А сейчас спешу откланяться. М-м-м... – он обвел взглядом кабинет. – Не напомните мне, где я оставил тот листок с приказом? Тот, об обязательном сборе средств на подарки ко Дню учителя.

Дама театрально всплеснула руками и стала крутиться вокруг себя или, точнее сказать, внутри своей юбки. Адам Феликсович тоже активно искал потерянный документ. Он то вставал на цыпочки и вытягивал шею, то приседал и ощупывал пол. Он даже приподнял край обширной юбки Амальгамы Мартовны.

Вскоре раздался его торжествующий крик.

– Нашел!

Он приблизился к директрисе и обвил рукой ее стан.

– Адам Феликсович, что вы делаете? – кокетливо прокудахта Амальгама Мартовна и со скромной улыбкой потушила глаза.

– Ах, простите меня за мою выходку, – ответил Адам Феликсович и быстрым движением руки вынул из-за спины директрисы бумажку с приказом. – Вот она – лежала здесь.

– Вот видите, у нас ничего не пропадает, – ответила задревшая Амальгама Мартовна. – Все в целости и сохранности. – Она оглянулась на то место сзади, где предположительно заканчивалась ее спина, и на котором, между прочим, могла разместиться не только пачка приказов, но и целое бюро.

– Я в этом не сомневался ни на секунду. Но, ... разрешите откланяться, прекрасная Амальгама Мартовна. Позвольте вашу ручку.

Директриса жеманно подала руку и расплылась в широкой улыбке. Адам Феликсович церемонно приложился к ней губами. Затем снял с вешалки шляпу и с легким поклоном вышел в дверь. Амальгама Мартовна долго смотрела ему вслед.

– Потрясающий мужчина, – вздохнула она, потом одним верхом повернулась к секретарю и внезапно погрубевшим голосом спросила. – На сегодня есть что-нибудь срочное, Зиночка?

– Нет, Амальгама Мартовна, – ответила девушка. – Вот только тут к вам пришли.

Директриса только теперь заметила, что в кабинете есть кто-то еще. Улыбка окончательно слетела с ее губ. Она искоса взглянула на Василису и, делая вид, что поправляет в зеркале прическу, спросила.

– По какому вопросу?

– Я тетя ученика. Хочу, чтобы он учился в вашей школе.

– Тетя? А где родители? Так заняты, что не нашли время устроить ребенка сами.

– Родителей нет.

– Нет? Это хорошо. Мальчик или девочка? – более заинтересованно спросила директриса.

– Кто? – не поняла Василиса.

– Ученик, которого вы хотите к нам устроить.

– Мальчик...

– Хорошо, мальчики нам нужны. Хм. Значит, без родителей. Прелестно. Сирота.

– Он не сирота, – поправила Василиса. – Я его родная тетя.

– Где же он? – оторвавшись от зеркала, спросила директриса.

– Вот.

Директриса уставилась на Тима, будто он только что появился из воздуха.

– Вот как? Да это совсем взрослый мальчик. Прелестно-прелестно. Как тебя зовут, милое дитя?

– Тимофей Сваргин, – Тим поежилась под ее оценивающим взглядом.

– Хорошо, Тимофей Сваргин. В каком ты классе?

– В девятом.

– Замечательно. Зиновья, где у нас 9 «А»?

– В двадцать пятом кабинете, Амальгама Мартовна. Тре-

тий этаж.

– Великолепно! Пойдем, дружок, я провожу тебя, – она опустила руку Тиму на плечо и, упершись в него мягким боком, повела за собой.

Ее окликнула Василиса.

– Подождите, я принесла документы и еще хотела...

– Дорогая родительница..., точнее тетя, – не оборачиваясь, выговорила директриса. – Не беспокойтесь вы так. Отдайте ваши документы секретарю и идите домой. Мы позаботимся о вашем мальчике и нашем новом ученике.

Они прошли мимо вскочившего и безуспешно пытавшегося втянуть живот охранника. Несмотря на предпринимаемые им старания, Амальгама Мартовна даже не посмотрела в его сторону. Она довела Тима до лестницы и здесь остановилась. Поглядывая на уходящие вверх ступени, директриса задумчиво и с досадой обратилась к Тиму.

– М-м-м, я дальше не пойду, Тимофей, а ты после уроков обязательно зайди ко мне. Хочу кое о чем тебя спросить. А сейчас иди в класс. В кабинет, м-м-м...

– Двадцать пять, – подсказал Тим.

– Молодец! – она развернулась и поплыла обратно. – Я все-таки заставлю ГОРОНО сделать мне эскалатор. И узнаю, наконец, что происходит в моей школе на других этажах.

На последней парте

Тим был рад, что избавился от назойливого внимания директрисы и, перепрыгивая через две ступеньки, побежал наверх. Шел урок, и в коридоре третьего этажа было пусто. Тим постучал в дверь с номером «25». Около доски стоял молодой учитель.

– Что вам угодно? – спросил он заглянувшего Тима.

– Здравствуйте! Я новый ученик. Можно войти?

– Входите, пожалуйста, – ответил учитель.

Класс проводил Тима любопытными взглядами. На первой парте о чем-то зашептались и захихикали девчонки.

Свободное место оказалось на последнем ряду за одной партой с щуплым пареньком в очках. Он был одет в школьную форму, хотя в классе ее почти никто не носил. Перед пареньком на парте лежал учебник, пенал с ручками и тетрадь в клетку – в ней были сделаны аккуратные записи.

Шел урок астрономии. На доске висела карта звездного неба. Учитель рассказывал о солнечных затмениях. Тим заметил, что не все ученики слушают урок, а некоторые откровенно занимаются своими делами.

Внимательно следивший за всем, что говорит учитель, сосед Тима на секунду отвлекся от урока и протянул ему руку.

– Привет! Меня зовут Костя.

– А меня – Тим. Тимофей.

Костя сделал в тетради новые пометки и снова сосредоточился на уроке. Он был поглощен всем, что происходило у доски, и ловил каждое слово. Из-за своего невысокого роста ему временами приходилось вставать со стула или наклоняться то вправо, то влево. Совершая свои телодвижения, Костя несколько раз толкнул Тима.

– Ты что делаешь? – недовольно спросил Тим.

– Записываю урок, – ответил Костя. – И тебе советую. Меркурий Максимович рассказывает много интересного. Этого не прочтешь в учебнике. Могу дать тебе чистую тетрадь. У меня есть запасная, и ручка тоже.

– Нет, спасибо. Я сам могу много чего рассказать про это, – Тиму жутко не понравился этот опрятный Костя. – Запасная тетрадь, говоришь? А запасных очков у тебя не найдется?

Костя с победным взглядом потянулся за рюкзаком.

– Конечно, найдутся. Только я не уверен, что они тебе подойдут. У тебя дальнозоркость или близорукость?

– Погоди, – остановил его Тим. – Я пошутил про очки.

Костя положил рюкзак на место и недовольно глянул на Тима.

– Шутки здесь неуместны. Тем более на уроке астрономии.

Он снова отвернулся к доске, где Меркурий Максимович «в лицах» изображал солнечное затмение. В выставленной

вперед руке учитель держал настольную лампу и светил ею себе в лицо. Второй рукой загораживался от света. Чем сильнее лицо учителя попадало в тень, тем менее широкой становилась его улыбка. Когда пантомима с лампой была окончена, Тим подвинулся к Косте. Ему хотелось сгладить впечатление от своей неудачной шутки.

– Скажи, а что еще есть в твоём рюкзаке?

– Смотря что тебе нужно, – Костя недоверчиво покосился на Тима.

– Ну, например, запасной учебник астрономии? Или...

– Конечно, есть. И учебник астрономии, и очки, и рюкзак.

Нужно быть готовым ко всему.

– К чему, ко всему? Ты так говоришь, будто готов даже к концу света.

– Конечно, готов! – невозмутимо произнес Костя.

Тим сделал попытку улыбнуться.

– Интересно посмотреть как.

Не произнося ни слова, Костя поискал в рюкзаке и вынул из него черную картонную коробку. На ней был нарисован белый с перекрещенными костями череп и надпись «Вскрыть перед концом света». Костя положил коробку перед Тимом.

– Это что, шутка? Что там?

– Хочешь – посмотри.

– Но тут написано...

– На заборе тоже написано, – назидательным тоном про-

изнес Костя. – Открывай! Если конечно не боишься.

Тим не торопился. Серьезный вид его соседа не предвещал ничего хорошего, но отступать было некуда, и он осторожно приоткрыл коробку. И из нее выпали... беруши, надувной подголовник и повязка для глаз.

– Фу-ты, напугал! – выдохнул Тим.

– Ничья. Один-один, – улыбнулся Костя. – Да, я готов ко всему. Даже если наступит конец света.

Но вместо конца света наступил конец урока.

– У кого есть вопросы? – спросил учитель.

– У меня есть, Меркурий Максимович, – вскочил с места Костя. – Скажите пожалуйста, если солнечное затмение происходит в точке перигелия Земли и Солнца, чем оно отличается от обычного?

– Хороший вопрос. Я постараюсь ответить наиболее просто, чтобы поняли все. Минимум линии апсид при движении Земли вокруг Солнца создает минимум эффекта затмения. При этом, согласно теории возмущений и закона Гаусса, перигелий не имеет постоянной точки относительно Солнца. К тому же, не до конца доказана теория несферичности нашего светила. Следовательно..., – учитель прокашлялся. – ... Извините, я немного отошел от темы. Вкратце, чем ближе Земля к Солнцу, тем меньше выражено солнечное затмение и чаще всего может быть неполным. Я ответил на ваш вопрос, Константин?

– Да. Спасибо, Меркурий Максимович!

Учитель снял с доски карты, сложил их в тубус и, слегка поклонившись классу, вышел. Только он ступил за порог, как раздался звонок.

– Вот это человек! – восхищенно воскликнул Костя. – Такой умный – все знает, что ни спроси. И пунктуальный – секунда в секунду закончил урок. Такое не каждый может. Да что там – такого не может никто.

– Да, – раздалось с соседней парты. – Зато он может забыть, какое сегодня число и как его зовут. Ха-ха! Представляю, какие глаза были у сторожа, когда наш Меркурий появился в школу первого января. После того случая директриса посоветовала ему купить костюм звездочета. Тогда его точно бы впустили. Хотя бы на детский утренник.

Это сказал высокий парень с короткой стрижкой. Он полужелал, полусидел за своей партой, разложив на ней свои большие руки. Его ноги были выставлены в проход и почти перекрыли его. Под маленькой школьной партой им места не нашлось.

– Ничего ты не понимаешь! – огрызнулся Костя. Надув щеки, он укладывал рюкзак, под весом которого жалобно скрипела парта. Неожиданно Костя остановился и кинулся вон из класса. – Я забыл спросить Меркурия Максимовича о теме следующего урока.

Высокий парень, довольно улыбаясь, повернулся к Тиму. – Ты этого умника не сильно слушай. Он тебе похлеще Меркурия наговорит. Кстати, я – Коля, – он протянул широ-

кую ладонь.

– Я – Тим.

– Ты если что, обращайся. Чем смогу – помогу. Случайно, не увлекаешься тяжелой атлетикой?

– Нет, – ответил Тим. – Мне ближе легкая.

– Ну да, – протянул Коля, оглядывая Тима. – А то смотри, у нас тут отличная компания любителей покидать железо. Если что – добро пожаловать!

В это время в класс вошла учитель в платье с широким кружевным воротничком и толстыми роговыми очками на самом кончике носа. На вид ей было далеко за шестьдесят. Ее высоко поднятая голова немного дрожала. В такт с головой раскачивались большие, как маятники, сережки. Черные с проседью волосы учительницы были зачесаны назад и свешивались по обе стороны головы, напоминая капюшон. Она встала около стола, остановила свой взгляд на потолке, и заговорила ровным, слегка дребезжащим голосом.

– Раньше, когда я училась в школе, ученики всегда были опрятными и послушными. Они никогда не позволяли себе перебивать учителя и внимательно слушали его. В то время школа была местом, где учили и воспитывали. Не то, что сейчас. Учитель был всем – и преподавателем, и отцом, и матерью. Может быть, кто-то из вас знает, хотя вряд ли, что раньше мальчики и девочки учились отдельно. Лично я считаю, что это было правильно. Возвращаясь к временам моей юности, хочу сказать, что в каждом классе стояло ведро с во-

дой, а в нем – розги. Кто-нибудь из вас знает, что такое розги? И почему они стояли в воде? Конечно, никто. Самым непослушным в нашем классе...

Тим смотрел на учительницу и не мог оторвать от нее глаз. Она гипнотизировала, и, как оказалось, ни его одного. Весь класс, затаив дыхание, смотрел на белый воротничок, а учительница все качалась и качалась.

– Что, засосало? – раздалось над ухом Тима.

Следом за вопросом последовал чувствительный удар в бок. Тим повернулся, готовый дать сдачу, но замер – рядом сидел Костя и с победной улыбкой смотрел на него.

– Еще минута и ты бы лбом треснулся об парту. Наша Шарлотта сегодня в ударе. Смотри, уже полкласса уложила.

И правда, многие ученики, подложив под головы руки, мирно спали. Еще несколько человек клевали носом, готовые вот-вот поддаться усыпляющим чарам. Тим повернулся к Косте.

– А ты почему не засыпаешь?

Тот внимательно посмотрел на губы Тима, улыбнулся и достал из ушей маленькие ватные шарики.

– Вот мое секретное изобретение. Простое и надежное. Главное – не слышать голоса, ну а второе – не смотреть. Хочешь, дам тебе?

– Нет, спасибо. Я как-нибудь обойдусь.

– Не эти, конечно. Другие, новые – у меня есть. Без них ты не дотянешь и до середины урока. И если даже получится,

то потом позавидуешь спящим. Такие песни начнутся.

– Тогда давай. Скорей – а то меня опять затягивает.

Вставив в уши ватные шарики, они продолжили общаться языком жестов и читая друг у друга по губам.

– Что это за урок? – спросил Тим.

Костя написал на чистом листе: «Предмет: Музыкаведение. Учитель: Шарлотта Карловна», и чуть погодя добавил.

– Шарлотта Карловна – подруга нашей директрисы. Они когда-то вместе учились. «Музыкаведение» – их общее изобретение. В прошлом году они предложили включить его в обязательную школьную программу. Им отказали, но в нашей школе все равно преподают. Даже в городском комитете образования ничего не могут с этим поделать. В конце года Шарлотта хочет провести экзамен. Интересно, что мы будем на нем сдавать – кантаты синхронного храпа?

– Что-то я не пойму. Это что – урок музыки? Зачем тогда всех усыплять?

– Я тебе скажу зачем, – Костя ближе придвинулся к Тиму. – Год назад Шарлотта защитила диссертацию на тему «Ускоренное обучение в полусомнатическом состоянии». Проще говоря, в полусонном. В своей работе она написала, что человеческий мозг воспринимает информацию быстрее и лучше в состоянии близком к крепкому сну. Вроде, так информация запоминается на уровне подсознания и уже никогда не забывается. Для начала Шарлотта решила испробовать свой метод на безобидном музыкаведении, и наша ди-

ректриса ее поддержала. Ты, кстати, уже был у нашей Матрешки?

– У кого?

– Ну, у нашей директрисы. У Амальгамы Мартовны.

– Да, – кивнул Тим. – Странная она какая-то.

– Это мягко сказано. Из-за своих габаритов она не ходит домой – не помещается ни в одну машину, про метро я вообще молчу. Вот и живет в своем кабинете. У нас в школе теперь даже ночного сторожа нет.

– А если кто-то заберется? Ей же минимум минут десять нужно, чтобы добраться до телефона.

– Не скажи. Год назад в нашем классе учился Хрякин – хулиган и двоечник. Однажды со своим дружкой Фонарем – Санькой Дофонаревым – они решили залезть в класс химии. Думали спиртом там разжиться. И что ты думаешь? Утром их, трясущихся от страха, нашли сидящими на полу в туалете девочек. Оба были связаны, ни за что не угадаешь чем – стульями! Руки и ноги были так запутаны в ножках табуреток, что их пришлось пилить. Хряк и Фонарь все тряслись и не могли сказать ни слова. В школу они больше не вернулись. Темная история. Известно только то, что той ночью кроме них в школе была наша Амальгама, но она сказала, что ничего не слышала, не видела и знать ничего не знает.

– И это все?

– Нет, не все. Ты не знаешь, но еще несколько месяцев назад наша Матрешка была самой худой в школе. Она была

учителем химии и целые дни проводила в своей лаборатории. Ходили слухи, что она изобрела что-то вроде эликсира стройности, но идеальную формулу раствора так и не нашла. Ее эксперименты все время оканчивались всякими неприятностями – или волосы выпадали, или росли не там, где нужно, или начинались галлюцинации. Никогда не забуду тот урок, когда на доске вместо химических формул Амальгама рисовала огромные пончики и заварные пирожные. Ее тогда чуть не отстранили от работы – вмешался кто-то из Министерства образования и она осталась. Но продолжать эксперименты и даже подходить к химической лаборатории ей запретили. Хотя сейчас, если бы она захотела, то все равно не бы смогла этого сделать.

– Почему?

– Кабинет химии находится на втором этаже, а Амальгама после запрета больше не могла принимать эликсир и так растолстела, что больше не ходит по лестнице.

Тем временем Шарлотта Карловна пошла вдоль рядов. Указка в ее руке плыла над головами учеников. Если указка встречала препятствие, значит, ученик еще не спал. В таком случае учительница вставала перед ним и ее голос, поднимаясь до визгливого, становился особенно невыносимым. Поэтому считалось за лучшее уснуть в начале урока. Через полминуты несчастный ученик переставал сопротивляться и впадал в крепкий сон.

– Так-то лучше, – шипела учительница и шла дальше. –

Здесь имеет место быть борьба двух противоположностей. Ученик – это противоположность учителя. Если не можешь уничтожить свою противоположность, то усыпи ее. От этого всем будет только лучше. Никто не нарушает дисциплину. Никто не надоедает лишними вопросами. А теперь приступим к уроку. Музыкаведение – это...

Не дожидаясь приближения учительницы, Тим и Костя улеглись на парту и сделали вид, что спят. Указка проплыла над их головами, задержалась над Тимом и... слегка ударила его по плечу. Тело Тима обмякло, и он заснул.

Пробуждение было не из приятных. Казалось, что треск школьного звонка раздается в самой голове. Тим резко поднялся, и в глазах потемнело.

– Не так быстро. После Шарлотты нужно вставать медленно. Иначе кровь может пойти носом или, того хуже, упадешь в обморок. Такое уже бывало, – Костин голос звучал как из колокола.

Тим повернул голову. Для этого потребовалось огромное усилие, а от напряжения на его лбу выступили капельки пота.

– Я все равно смогу, – процедил он сквозь зубы.

– В этом никто не сомневается, но я бы не советовал этого делать. Потом до конца дня будет тошнить, а темные круги перед глазами пропадут только к вечеру. Нужно было больше дать ваты. Эх, я! Не рассчитал порцию. Зато мой эксперимент можно считать законченным.

– Какой еще эксперимент? – Тима качнуло и он судорожно

ухватился за парту.

– Мой эксперимент по предотвращению влияния Шарлотты на подкорковую область мозга. Хотя нет. Осталось сделать еще одно, – в руке Кости появилась круглая жестяная коробочка. В ней лежали разноцветные леденцы. – Возьми один и положи под язык.

– Что это? – спросил Тим.

– Конфеты – леденцы. Специальная формула – мой рецепт. Бери – не бойся.

– Твой рецепт? Теперь я боюсь еще больше, – простонал Тим, поддерживая двумя руками голову. – У меня все болит.

– Это у тебя от Шарлотты болит, а я пытаюсь помочь. Мой тебе совет...

– На сегодня мне достаточно советов.

– В этот раз предлагаю его послушаться, но только в этот раз, – послышался чей-то новый голос. Он донесся откуда-то сверху.

Над Тимом склонилась девушка. Он обратил на нее внимание еще на прошлой перемене. Она с улыбкой смотрела на Тима. Ее волосы, убранные в густой конский хвост, рассыпались по плечам.

– Возьми конфету и станет лучше, – глаза девушки в упор глядели на Тима.

Ей он не мог отказать и взял сразу две. Не прошло и минуты, как стало легче.

– Ну вот, а ты не хотел, – сказал Костя. – Вы, наверно,

думаете, что это просто сахар с лимонной кислотой? Ничего подобного. Конечно, за основу взят состав конфет «Взлетных», над которыми в свое время работал целый институт, но я улучшил формулу. Вам скажу по секрету – я добавил в них немного корицы.

Тим не слушал его. Он смотрел на девушку. Она же протянула ему небольшой листок – на нем были написаны цифры.

– У тебя есть телефон? Набери этот номер.

– Зачем?

– Набери и узнаешь.

Тим достал телефон и набрал. Через пару секунд в руке девушки зазвонил маленький белый телефончик, послышалась приятная мелодия.

– Это мой номер, – сообщила она. – Меня зовут Эвелина. Что ты делаешь завтра вечером?

Тим не ожидал такого развития событий и ответил не сразу.

– Чего застыл? – спросила она. – Дай-ка ему еще леденцов – кажется, он опять засыпает. Так и быть, запишу тебя как «Тим – повтори два раза».

– Нет – я не засыпаю, – поспешно заверил Тим. – Завтра? Завтра я совершенно свободен.

– Вот и отлично! – объявила Эвелина. – Потом скажу, куда пойдем.

Она вернулась за свою парту, а Тим, оглушенный всем

происходящим, сидел и хлопал глазами. Рядом подал голос всезнающий Костя.

– На твоём месте я бы с ней не связывался, – произнес он.

– Почему?

– Слишком много она из себя корчит. Как королева указывает, приказывает. «Сделай то», «сделай это». Слишком деловая и смотрит на всех свысока, будто она одна тут такая...

– Какая?

– М-м-м, – Костя не мог подобрать подходящего слова и выпалил. – Просто у нее богатые родители. Вот она и ведет себя так, будто ей все принадлежит. По-твоему, почему она здесь учится?

– А где ей учиться?

– С такими деньгами как у ее папы учатся или в закрытых школах, или за границей. А она, видите ли, пожелала учиться с «обычными» детьми. Снизойшла до нас. Теперь ходит и указывает всем – «набери мой номер», «дай ему леденцов». Советую тебе...

– Слушай, давай, я уже обойдусь без твоих советов. Мне их девать некуда, – Тим заметил, что урок давно начался, и у доски стоит новый учитель.

Но теперь ему было не до учебы. Кое-как досидев до конца уроков, он поспешил к выходу.

– Тим, погоди! Я хочу тебе кое-что сказать, – окликнул его Костя.

Тим сделал вид, что не услышал, и выскочил из класса.

«Гнездо»

Никогда еще вестибюль башни «Меркурий» не видел такой колоритной делегации как в это утро. Спустившись на парковку у главного входа, Сципион приказал Толстяку и Молодому остаться с Орликом, а сам в сопровождении Кастетта и Седовласого вошел в здание.

Рабочий день был в разгаре. В огромном стеклянном вестибюле было не протолкнуться. Одни люди спешили по делам, другие – ходили по магазинам, третьи – лениво прогуливались вдоль витрин кафе и ресторанов, присматривая утреннее меню. У лифтов вились змеи очередей. Экскурсии одна за другой исчезали во вместительных кабинах и, вознесясь на несколько десятков этажей, высыпали на смотровую площадку, откуда открывался отличный вид на Москву.

Сципион и его спутники представляли собой довольно странное зрелище. Одетаая во все черное – плащи, обтянутую португеей форму и сапоги, их троица на целую голову возвышались над толпой. На Сципионе был его неизменный скрывавший глаза капюшон. Толпа расступалась перед ним и провожала удивленными, подчас возмущенными взглядами.

Едва вступив в вестибюль, Сципион оказался предметом преследования и насмешек двух мальчишек. Те бежали по

пятам и кричали.

– Смотри, какой клоун! Я его в компьютерной игре видел.

– Нет! – взхлеб перебивал второй. – Он из фильма «Звездные войны». Там был такой – в железной каске.

– Так у этого капюшон.

– Эй, чучело! Где каску потеряло?

Привыкший с безусловному преклонению и не испытывавший в своей многовековой жизни ничего подобного, Сципион был на грани бешенства. Он хотел отпугнуть мальчишек, но вокруг было слишком много народа, чтобы открыто применить колдовство. К тому же, стоило ему остановиться, как мальчишки отбегали на безопасное расстояние и кричали оттуда еще громче.

– Дядя, достань воробушка! Где твоя каска, болван?

За спиной Сципиона послышался голос Седовласого.

– Господин, позвольте я с ними разберусь!

– Не нужно, – Сципион исподлобья оглядел распушающуюся перед ним толпу. – Тут слишком многолюдно. Пусть пока развлекаются.

А мальчишки не отставали.

– Не поймаешь, не поймаешь!

– Покажи фокус, я знаю – ты можешь!

– Давай его сфоткаем! – предложил один.

– Давай!

В их руках появилось по мобильному телефону.

– Эй, жердина, помаши маме ручкой! – две вспышки осле-

пили Сципиона.

Проведший большую часть жизни в темноте, он и без того очень страдал от солнечного света, а теперь... Несколько секунд Сципион совершенно ничего не видел. Он размахивал вокруг руками и был готов разорвать первого, кто ему попадется. Когда же зрение вернулось к нему, то первое что он сделал – это двумя гигантскими шагами настиг мальчишек. Они не заметили его приближения, потому что с любопытством и страхом рассматривали только что сделанные снимки. На них отпечаталось искаженное гневом Сципионово лицо. В следующий миг телефоны оказались в его костлявых пальцах, и один из них тут же жалобно хрустнул под кованым каблуком Сципиона.

Сорванцов как ветром сдуло. Крича во все горло, они скрылись в толпе.

Второй телефон Сципион не стал ломать, а поднес к лицу и обнюхал. Невиданная вещица еще пугала его. Он оглядел ее со всех сторон – ьлестящая дощечка и больше ничего. На экране до сих пор красовалась его перекошенная физиономия.

– Красив! – хмыкнул Сципион.

Он с опаской тронул экран. Фотография исчезла. Вместо нее появились какие-то значки. Сципион одернул руку.

– Что это за дрянь, от которой я чуть не ослеп. погоди, я с тобой еще разберусь.

Он спрятал телефон в складках накидки, и двинулся даль-

ше, но не успел сделать и двух шагов, как его окликнули.

– Эй, уважаемый, это ты взял телефон моего сына?

Недалеко от него стоял отец одного из мальчишек. Сам малолетний виновник прятался за спину родителя, выглядывая оттуда одним глазом.

– Я хочу, чтобы ты его вернул. Слышишь? Я к тебе обращаюсь!

Сципион не удостоил того даже взглядом.

– Разберись! Только тихо!

Кастет только этого и ждал. Его массивная фигура заслонила ушедшего Сципиона. Отец мальчика попробовал пройти, но Кастет в ответ угрожающе покачал головой. Его плащ хищно распахнулся, преграждая папаше путь. Мужчина открыл было рот, но в следующую секунду ему в лицо уперся огромный кусок холодного железа. Весь пыл заботливого родителя вмиг испарился. Теперь он думал только об одном – как остаться целым. Кастет почувствовал его желание и довольно оскалился. Приложив палец к губам, он помахал рукой «Иди!», и мужчина, часто оглядываясь и непроизвольно переходя на бег, исчез в толпе. За ним скрылся его отпрыск. Убедившись, что оба исчезли, Кастет вернулся к Сципиону.

Девушка за стойкой встретила гостей дежурной улыбкой.

– Доброе утро! Чем могу вам помочь?

– Я хочу приобрести апартаменты в этой избе, – ответил

Сципион.

– Одну минуту, пожалуйста, – администратор нажала

кнопку звонка. – Вас сейчас проводят.

Сципион с недоверием следил за ее жестами. Все эти штуковины с кнопками настораживали его. Не успел он опомниться, как словно из-под земли появился верткий юноша – консьерж. Его быстрые неуловимые глазки ощупали Сципиона.

– Позвольте ваши вещи, – протянул он руку.

Получив ответ, что вещей нет, молодой человек сделал удивленное лицо, и попросил следовать за ним. По дороге, чтобы не терять времени, Сципион снова достал телефон. Не успели они дойти до лифта, как «Дремучий владетель леса» разобрался во всех тонкостях этой штуковины. Его длинные пальцы неуловимо бегали по экрану, открывая и закрывая меню, программы и приложения. Консьерж, хотя и шел впереди процессии, но успел рассмотреть и оценить немалую стоимость Сципионова приобретения. Неожиданно молодой человек изменил направление и повел всех не в общую толпу, а свернул за угол и нажал кнопку вызова лифта для особых гостей. Пропуская Сципиона и его свиту, он незаметно перемигнулся с лифтером, таким же юрким малым, как и он сам. Тот в ответ понимающе кивнул.

– Добро пожаловать в башню «Меркурий»! – важно произнес лифтер и нажал кнопку восьмого этажа.

Дверцы закрылись, но не успел лифт набрать скорость, как лифтер истошно закричал.

– Отпустите, пожалуйста! Я больше не буду, не буду. Ай-

йй-йй!

Он извивался как уж, но вырваться из крепкой хватки Сципиона было не так легко. Тот же в свою очередь не просто сжимал руку юного воришки, а словно хотел завязать ее в узел.

– Надеюсь ты понял, что не хорошо лазить по чужим карманам?

– Понял! Конечно, понял! – кричал юнец. – Я же говорю, дядечка, что больше не буду!

Его лицо покраснело от боли.

– А знаешь, когда я тебе поверю? Когда ты испугаешься по-настоящему.

Сципион склонился к нему и стянул с головы капюшон. К крику лифтера присоединился вопль консьержа. Только двери открылись, как оба вылетели из лифта и понеслись прочь. Сципион вышел следом. Его телефон был наготове.

– От меня так просто не уйдешь, – самодовольно произнес он и направил камеру на убежавших молодых людей.

Два щелчка, две вспышки и в коридоре стало тихо и пусто. Шум переместился внутрь телефона. Там в тесном экране метались двое – консьерж и лифтер.

– Пожалуйста, выпустите нас! Мы больше не будем это делать!

Сципиону стало весело.

– А они мне нравятся – эти высокие технологии. Очень удобно, – он постучал по аппарату. Тот наполнился гулким

эхом, от которого двое несчастных внутри него закрыли уши. Они еще продолжали просить о помощи, когда Сципион вызвал меню «Отправить в...». Перед ним появились доступные варианты – «Однокашники», «ВСвязи», «Околичность». Сципион пролистал список и в конце нашел то, что хотел – «Кладовая смерти».

– Тебя-то я и искал, – он блаженно улыбнулся. – Ступайте туда, голубчики.

Легкое касание экрана и крики стихли. Теперь можно было заняться тем делом, по которому они сюда явились.

В просторном холле, в котором оказались Сципион и его слуги, была одна единственная дверь. Над ней располагалась надпись «Высокая недвижимость. Ваши проблемы – Наш успех».

– «Высокая», – прочитал Сципион. – То, что мне нужно.

Он толкнул стеклянную дверь и вошел в небольшую светлую комнату, стены, пол и потолок которой были окрашены в ослепительно белый цвет. Справа висело большое, во всю стену зеркало, а в центре стоял стол. За ним сидел клерк. Это был обычный человек с серой незапоминающейся внешностью – с ровным пробором прическа, белая, с надетыми поверх нее нарукавниками, рубашка, круглые близорукие очки и надвинутый на глаза козырек.

Перед столом клерка стояло кресло. В него-то и опустился Сципион. После случая в лифте он решил не прятать свое лицо под капюшоном и поэтому приготовился увидеть но-

вую гримасу испуга, но к удивлению Сципиона, его внешность не произвела того эффекта, на который он надеялся. Клерк оторвался от бумаг и с любезной улыбкой взглянул на посетителя.

– Что вам угодно? – вежливо осведомился он.

– Мне угодно приобрести апартаменты, – важно и с расстановкой произнес Сципион.

– Позвольте узнать, какие именно. И, прошу прощения за такой прямой вопрос, на какую сумму вы рассчитываете?

По знаку Сципиона к столу приблизился Кастет и положил на него увесистый мешок. Внутри него тяжело звякнуло золото. Клерк кивнул.

– Я понял. Очень приятно иметь дело с таким уважаемым и солидным господином. Специально для вас у нас есть совершенно уникальное предложение – апартаменты «Седьмое небо». Оригинальный дизайн, великолепный вид, встроенная система...

– Я беру, – оборвал его Сципион. – Оформляйте.

– Сию секунду. Я только подготовлю документы.

Сципион прикрыл ладонью глаза – белая комната слепила его, а клерк тем временем принялся за дело. Для начала он нажал под столом скрытую кнопку, затем сделал несколько незаметных знаков в сторону зеркальной стены, и только после этого снова обратился к Сципиону.

– Пока суть да дело, не желаете выпить чашечку чая, кофе или может быть водички.

– Воды дай, – коротко ответил Сципион.

На столе появился высокий стакан. В нем пузырилась минеральная вода.

– Что это? – спросил Сципион.

– Вы о чем? – не сразу понял клерк.

– Вот это – в стакане. Почему оно кипит?

– О, это газировка. Если желаете, я принесу без газа.

– Давай без газа. У меня своего хватает.

Клерк заменил стакан. Затем стол наполнили пачки документов, которые человек принялся самозабвенно и упоенно раскладывать. Так большая пачка сначала превратилась в три поменьше. Затем к ним добавились две, и потом еще три. Далее две пачки слева поменялись местами с тремя пачками справа, а среднюю клерк разложил вдоль стола наподобие веера.

На этом священнодействие не закончилось. Неутомимый человек перекладывал бумаги до тех пор пока у Сципиона не зарябило в глазах. Он туманным взором следил за клерком и даже не заметил, как опрокинул стакан. В следующее мгновение что-то вынырнуло из-под стола, на лету подхватило стакан и, не проронив из него ни капли, поставило обратно. Все это произошло так быстро, что ни Сципион, ни Вороны ничего не заметили, а клерк, как ни в чем не бывало, продолжал свое дело.

Наконец все было готово, и серый человек придвинул документы к Сципиону.

– Вам нужно будет подписать вот здесь, здесь и здесь. Единственно..., – он замялся.

– Что еще? – нетерпеливо спросил Сципион.

– Дело в том, что у нас с вами не обычная сделка, а очень крупная и... важная. Поэтому я вынужден просить вас подписаться... кровью.

– Конечно, кровью, – без тени удивления ответил Сципион. – Ты думал, я буду подписывать чем-то другим?

Не успел он договорить, как услужливый клерк уже протягивал ему острый канцелярский ножик. Синяя кровь Сципиона пролилась на страницу.

– Вот и славно! – прощепетал человечек. – Поздравляю вас с законно приобретенным жильем. Надеюсь, оно вам понравится. Ваши апартаменты называются «Седьмое небо»...

– «Гнездо», – перебил его Сципион.

– Что? – запнулся клерк.

– Мое жилище называется «Гнездо».

– Как вам будет угодно. Хорошего новоселья. Заходите к нам еще.

Сципион вышел из кабинета. За ним последовали Кастет и Седовласый. На пороге Кастет обернулся и несколько секунд угрюмо смотрел на клерка, а человечек в козырьке все стоял, и кланялся как китайский болванчик.

– Заходите к нам еще. Заходите к нам еще.

Кастет сплюнул и вышел. Едва дверь закрылась за ним, как зеркальная стена кабинета пришла в движение. Она ото-

двинулась в сторону, и из нее вышел Галеин. На нем был отличный шитый на заказ костюм и такой же как на клерке козырек. Он шагнул к столу и схватил подписанную Сципионом бумагу. Глаза Галеина быстро и с жадностью побежали по строчкам. Казалось он хотел Лицо первого помощника Вельзевея было необычайно сосредоточенным. Вдруг его лицо осветила довольная улыбка.

– Молодец, как там тебя...

– Крючкотворов.

– Да, молодец. Я обязательно расскажу о тебе хозяину. Он такое не забывает.

– Рад служить его высокопервейшему.

Он снова принялся кланяться. Его волосы над козырьком растрепались и обнажили два небольших рожка.

В холле Сципиона и Воронов ждал новый лифтер.

– Какой изволите этаж?

– Семьдесят седьмой, – скомандовал Сципион.

– Простите, но у нас только семьдесят пять этажей, – ответил молодой человек.

– А это что? – Сципион ткнул в панель лифта, где в ряду с остальными была кнопка «77». Рядом с ней светилась надпись «Гнездо». Удивленный лифтер не двигался с места.

– Чего рот раскрыл? – прикрикнул Сципион. – Пошевеливайся!

На семьдесят седьмом этаже их встретили Толстяк и Молодой. Лифтер вышел следом за остальными. Он работал в башне «Меркурий» давно и впервые узнал, что здесь есть семьдесят седьмой этаж. С любопытством оглядывая помещение, лифтер наткнулся на тяжелый взгляд Кастета. Тот не обещал ничего хорошего, и любознательный представитель профсоюза лифтеров поспешил вернуться на свое рабочее место. Лифт тронулся вниз. Кнопки «77» в нем больше не было.

Новое жилище Сципиона занимало целый этаж. Напротив лифта открывался вход в гостиную. Туда и направился Сципион. Одна из стен гостиной была большим панорамным окном. Сципион встал перед ним и воззрился на лежащий внизу мегаполис. Лицо «Владыки северного леса» скривилось как от зубной боли.

– Ненавижу этот город! Ненавижу города.

День был ясный, и гостиная утопала в солнечном свете, который не могли приглушить даже тонированные золотом стекла. Сципион зажмурился и отвернулся.

– Здесь все нужно поменять!

Его слуги, выстроившись по ранжиру, почтительно стояли вдоль стены. Сам Сципион размашистым шагом мерил новые владения. Ему не нравилось все: большая стеклянная люстра, что разбрасывала ярких солнечных зайчиков; полированный металл, который горел словно сам огонь; мебель, что была сплошь из светлых пород дерева. О диване и крес-

лах даже не стоило говорить – от их веселых расцветок просто рябило в глазах. Да еще этот светло-серый ковер на полу – от него следовало избавиться в первую очередь.

Единственным, что приглянулось Сципиону, оказался большой круглый стол. Сделанный из темно-коричневого тиса он стоял в центре гостиной и резко выделялся на фоне прочей обстановки. На столе, словно вырастая из него, возвышалась деревянная ваза. По ее бокам струился резной виноград.

Проходя по комнате, Сципион нервными жестами сбрасывал на пол мраморные статуэтки, разбивал зеркала и срывал со стен картины.

– Все сжечь! – командовал он. – Уничтожить! Я наведу здесь порядок!

Визит сухого человека

Выскочив на школьное крыльцо, Тим с неприятным ощущением подумал о директрисе. «Так не хочется идти к этой Амальгаме Мартовне. Может, она уже сама не помнит. Если спросит «Почему не зашел?», скажу, что забыл – первый день в школе, все такое. Точно – иду домой».

Но только Тим собирался сделать шаг, как ему на плечо опустилась чья-то тяжелая рука. Он резко обернулся и уперся взглядом в пуговицу серого плаща – остановивший его оказался очень высок. Тим поднял взгляд и невольно поморщился. На него смотрело не очень неприятное лицо незнакомца – острые скулы и подбородок были шершавыми и казались вырезанными из дерева, а уши походили на обрубленные сучья ветвей. На голове долговязого была надета шляпа. Из-под нее торчали смахивающие на солому волосы. Рука, что лежала на плече Тима, была в черной перчатке, другая – спрятана за спиной.

– Ты Тимофей Сваргин? – спросил неизвестный. При этом у него что-то хрустнуло в горле.

– Да, – ответил Тим и сделал попытку отступить.

Человек в плаще удержал его.

– Не нужно, – предупредил он тем же скрипучим голосом. – Я – учитель труда. По приказу директора сегодня про-

вожу тебя домой.

– Но я сам могу...

– Нет. В нашей школе так принято. Мы знакомимся с новичками и их родителями. Сегодня это поручили мне. Это обычная процедура. Можешь спросить у кого угодно, – трудовик обвел взглядом школьный двор.

Тим продолжал упираться.

– Может быть в следующий раз? Давайте я попрошу, чтобы родители сами пришли в школу.

– Нет. Все должно быть согласно правилам. Как приказала директор, так и сделаем. И не советую убегать – это только осложнит дело, а Амальгама Мартовна этого не любит.

Тим для вида сопротивляться, но не оставил мысли избавиться от назойливого трудовика. Нужно только выбрать подходящий момент. И тогда...

Вместе они вышли со школьного двора. По пути Тим украдкой рассматривал своего попутчика. Походка мужчины была немного странной. Он шагал размашисто и делал это так, будто шел на ходулях. При каждом его шаге раздавался скрип. Ко всему прочему от него исходил стойкий запах свежих грибов и сырой земли. Плащ и брюки трудовика изнутри выпирали острыми углами, будто были надеты на каркас.

Выйдя на проспект, они остановились на перекрестке – на светофоре горел красный свет. Цифры показывали обратный отсчет. До зеленого оставалось пятнадцать секунд,

четырнадцать, тринадцать, двенадцать... Тим зажмурился, и представил, что отсчет поменялся на противоположный. Просчитав до сорока, он открыл глаза. Невероятно, но счетчик показывал тридцать девять, тридцать восемь... Тим не мог объяснить, как это получилось, но оно сработало. Вокруг них возмущенно переговаривалась толпа.

– Почему так долго горит красный?

– Что за безобразие?

– Я опаздываю на работу!

Тим посмотрел на своего спутника и встретил его угрюмый взгляд. Трудовик неодобрительно покачал головой. И тут светофор загорелся зеленым. Люди поспешили через дорогу. Два встречных потока встретились, перемешались, и Тим воспользовался этим. Он юркнул в толпу и, смешавшись со встречным потоком, повернул обратно, а потом бросился бежать. Его никто не преследовал. Завернув за угол ближайшего дома, Тим прижался к стене. Сердце колотилось как бешеное. Прошла минута – никого. Тим выглянул на улицу – пусто. Он обернулся и вскрикнул – перед ним стоял трудовик.

– Я предупреждал – не нужно от меня убегать.

Он больно сжал руку Тима и уже не отпускал ее до самого дома.

Дверь открыла улыбающаяся Василиса. При виде незнакомца она встревожено посмотрела на Тима, потом на трудовика и снова на Тима.

– Что случилось? – взволновано спросила она. – Ты что-нибудь...

– Нет, все в порядке, – успокоил тетку Тим. – Это учитель труда из школы. Пришел познакомиться.

К удивлению Тима всегда радушная Василиса не очень-то желала знакомиться. Она стояла в дверях и преграждала вход в квартиру. Тим проскользнул мимо. За ним кряхтя последовал трудовик.

– Разрешите войти? – спросил он скрипуче. – Мне нужно с вами поговорить.

Василиса отступила.

– Премного благодарен!

Когда гость входил в дверь, ему пришлось согнуться почти вдвое. В коридоре он выпрямился, но угодил щекой в лампочку. По квартире разнесся запах жженого дерева.

– Ах ты, черт! – выругался трудовик.

На его щеке расплзлось черное пятно. Не обращая внимания на хозяев, он бросился на кухню, оттуда послышался шум воды. Тим собрался пойти следом, но Василиса остановила его.

– Иди к себе. Если будет нужно, я позову.

– Я лучше с тобой. Не нравится он мне.

– Ничего – сама разберусь.

Втолкнув Тима в его комнату и затворив за ним дверь, Василиса направилась на кухню. Гость стоял у раковины и ошупывал лицо. Услышав шаги, он обернулся и кривая улыбка

растянула его шершавые губы.

– Узнала меня, Василисушка? – обойдя стол, он тяжело и неуклюже опустился на табуретку.

Его правая штанина зацепилась за что-то изнутри и треснула. Из дыры высыпались комочки сырой земли, и по кухне разнесся запах сырости. Табуретка, на которую уселся трудовик, застонала и покрылась пятнами мха.

– Не ожидала меня увидеть?

– Как же не ожидала. Я тебя за версту почуяла. Все-таки выследил. Не думала, что осмелишься ко мне заявиться. А ты вон как – за спиной моего племянника. Если бы не Тимофей, я бы тебя... – Василиса сжала кулак.

– Знаю-знаю, – отмахнулся гость. – Сколько лет тебя знаю, а ты все не угомонишься, все хорохоришься. Думаешь, что никто ничего не замечает? Э, нет. Хозяин каждый твой шаг видит, каждую мысль читает. Ты только подумала, а он уже знает. Зря ты бегаешь от него. Все равно не скрыться. Он тебя везде найдет – и на земле и под землей. А будешь плохо себя вести, то упечет под землю раньше времени.

«Трудовик» прислонился к стене и попытался принять непринужденную позу.

– Ох уж мне эта человеческая одежда, – прокряхтел он. – Ко всему могу привыкнуть, только не к этим тряпкам.

Он обвел взглядом кухню.

– А ты неплохо устроилась – блюда-чашечки, горячая водичка. С хлоркой? Бр-р-р! Пирог еще печешь с ежевикой?

Несмотря на деланно беззаботный тон, его глазки бегали по сторонам и следили за каждым движением Василисы. Она же вся подалась вперед и сверлила его яростным взглядом.

– А ты значит, теперь у него на посылках бегаешь? – язвительно спросила Василиса. – Не думала, что лесовики опустятся до такого. Видно, очень застращал вас Сципион.

– Ты, Василиса, свои поучения прибереги для маленьких детей. Я тебе не твой сопливый племянник, которому можно сказки рассказывать. Небось, вчера ночью мальчишка не на шутку струхнул? А? Что? Мой Кречет не очень его напугал? Наверно, всю ночь просидел у тебя под юбкой и дрожал как осиновый лист. Ха-ха!

– Я догадалась, что это твоих рук дело. Мы очень горячо встретили твою птичку. Кстати, у нас осталась парочка ее перышек – она так торопилась, что обронила их. Жаль, что я ее не застала – сидел бы ты сейчас один в берлоге без своей консервной банки с крыльями.

– Ты говори, да не заговаривайся! – скрипнул Лесовик. В его горле снова хрустнуло, а изо рта посыпались стружки. – Не помешай Кречету твоя драная кошка, неизвестно, пошел бы твой щенок сегодня в школу или...

Василиса вцепилась в крышку стола. Ее пальцы побелели от напряжения. Спина выгнулась. Глаза не отрываясь смотрели на Лесовика.

– Если хоть один волос упадет с головы Тимофея, тебе не сдобровать. Дотронься до него и я тебя на щепы порублю,

сожгу, а пепел развею над Берендеевым болотом. В пыль со-
тру!

Василиса выкинула перед собой руку. Лесовик отшатнул-
ся, и окончательно сгнивший под ним стул рассыпался в тру-
ху. Свалившись на спину, «трудовик» отчаянно замахал ру-
ками и ногами и с трудом поднялся на четвереньки. Он хо-
тел было бежать, но дорогу преградила Василиса. Ее глаза
метали молнии. Она медленно с вытянутыми вперед расто-
пыренными пальцами шла на него.

– Стой! – закричал он. – Мне приказано!... Я не сам!...
Вот здесь...

Торопливыми движениями он стянул с руки перчатку.
Под ней оказалась деревянная, как протез, рука. Корявыми
пальцами лесовик расстегнул плащ и запустил туда руку. Ва-
силиса угрожающе зашипела.

– Нет, нет, – залепетал Лесовик. – Вот оно. Это он передал
тебе.

В его шершавой ладони блеснуло белое с голубым узором
яйцо – шкатулка с крышечкой. Лесовик поставил ее перед Ва-
силисой и отступил.

– Хозяин велел отдать тебе. В нее нужно собрать слезы
твоего... – он поперхнулся, – ...твоего племянника. Хозяин
сказал, что дает тебе три дня. Если ты не... если не выпол-
нишь его приказ, то... не будет пощады ни тебе, ни твоему...
никому.

Василиса не отрываясь глядела на шкатулку. Потом пе-

ревела взгляд на трясущегося Лесовика. Ее рука протянулась к кухонным полкам – в ладонь скользнул коробок спичек. Пальцами одной руки Василиса вынула спичку, зажгла ее и, выставив перед собой, направилась к «гостю». Тот начал негромко скулить.

– Так ты говоришь, твой хозяин что-то смеет приказывать мне?

– Я только передал его слова, – гнусаво залепетал Лесовик, с нескрываемым ужасом уставившись на горящую спичку. – Я тут ни при чем.

– Значит, у меня есть три дня, чтобы отдать ему на расправу своего племянника?

– Это все он! Он! – завыл «гость». – Я только передал.

– И если я не покорюсь, то что он сделает? Повтори! – Василиса кинула в него догоревший огарок. Тот попал в деревянное лицо и отскочил в сторону.

– А-а-а! – дико закричал Лесовик.

Ничего не соображая, он опрокинул стол и бросился вон из кухни.

Тим, не раз порывавшийся пойти к Василисе, то и дело выглядывал в коридор, пытаясь хотел расслышать слова, но закрытая дверь кухни пропускала лишь неясные звуки. Приходилось ждать и мерить шагами комнату. Только, когда на кухне что-то тяжело упало, а вслед за этим раздался нечеловеческий вой, Тим поспешил к тетке на помощь.

Выйдя в коридор, он невольно прижался к стене – из кух-

ни на него выскочил голосящий «трудовик». Его плащ был в дырах. Из них торчали обломанные ветки. Не разбирая дороги, «гость» промчался мимо Тима, ударился об одежный шкаф, выломал входную дверь и вылетел в подъезд.

Тим бросился за ним, но «трудовик», громыхая по лестнице, был уже далеко внизу. Подняв оторванную дверь, Тим кое-как вставил ее в проем и поспешил к Василисе. На кухне все было вверх дном. Стол лежал у плиты. Одна табуретка валялась в углу, от другой осталась только куча гнилушек. Пол был усыпан комьями земли и осколками посуды. Занавеска на окне держалась на последнем гвозде.

Василисы на кухне не было. С возрастающим беспокойством Тим кинулся в ее комнату и застал тетку у окна.

– Что случилось? Что он сделал?

– Ничего, – ответила Василиса, украдкой отерев набежавшую слезу. – Мы немного поговорили. Теперь все в порядке.

– Ты уверена? На кухне настоящий погром, и дверь в квартиру... Он ее сломал.

– Дверь – ерунда. Ее мы починим, и больше никто не посмеет сунуть к нам своего носа.

– Опять ты чего-то недоговариваешь, – произнес Тим. – Ты знаешь его? Почему ты не хочешь рассказать?

Василиса примирительно притянула его за плечи.

– Все будет хорошо – вот увидишь. Дай мне немного времени и тогда мы заживем...

– Только бы дожить до этого времени, – пробубнил Тим,

не разделявший энтузиазма Василисы.

– Ну-ка прекрати. Сейчас я все приберу, и мы будем обедать. Отпразднуем твой первый день в школе. Как, кстати, он прошел?

Когда Тим снова пришел на кухню, там были чистота и порядок. Ничто не напоминало о визите незваного гостя – будто его и не было. Тетка хлопотала у плиты и негромко напевала.

После обеда она куда-то засобиралась. Сытый Тим сидел на кухне и наблюдал за ее передвижениями по квартире. Вот Василиса что-то вынула из одежного шкафа, потом ушла к себе, опять мелькнула в коридоре и снова скрылась в своей комнате. Минуту спустя оттуда донесся ее голос.

– Тим, я ненадолго убегу. Жди меня и никому не открывай.

– Василиса, я с тобой! – крикнул Тим, но ему никто не ответил.

В новом свете

– Вот это другое дело, – довольно проговорил Сципион. – Теперь здесь можно жить.

Он оглядел совершенно изменившиеся апартаменты. Еще недавно светлые стены ошетились торчащими ветками. Как из большой старой щетки, они торчали внутрь комнаты, грозя нанизать на себя всякого, кто окажется в пределах их досягаемости. В частоколе ветвей светились бледные пятна черепов и человеческих костей.

Ковер на полу остался прежним, но приобрел грязно-пепельный цвет. Его ворс стал длиннее и шевелился подобно траве под ветром. Люстра превратилась в вывороченный из земли и водруженный на полоток пень. На окнах повисли плотные шторы, отчего все вокруг погрузилось в полумрак. Стулья, диваны и шкафы – вся стало черным и едва угадывалось в сумеречном свете.

Сципион удовлетворенно потер бледные руки.

– Так-то лучше. Есть на чем отдохнуть глазу.

Вход в комнату преграждали тяжелые дубовые двери. На каждой из створок была вырезана половина дерева. Когда они смыкались, дерево становилось целым и обе половинки срастались. Вдоль ствола дерева были два ряда отверстий. В них вползал деревянный змей. Своими кольцами он обви-

вал ствол и окончательно смыкал обе створки. Распахнутая змеиная пасть превращалась в дверную ручку, и не каждый смельчак отважился бы взяться за нее. К тому же ручка была заколдована. Если за нее брался посторонний, змеиная пасть смыкалась и уже не отпускала чужака. Змей был творением Сципиона и слушался только его, превращая новые покои «Владыки леса» в неприступную крепость.

Завершив обустройство нового жилища, Сципион подошел к круглому столу и блаженно опустил в кресло. Теперь можно было немного передохнуть. Его рука скользнула по полированной поверхности стола и наткнулась на незамеченный им предмет – гладкий и плоский.

Едва пальцы Сципиона коснулись этой вещицы, как на ее поверхности тускло засветился прямоугольник экрана. Он разгорался все ярче и ярче и Сципион уже хотел швырнуть его о пол, как вдруг услышал знакомый голос.

– Привет, дорогой!

Сципион тщательно пытался вспомнить, кому он принадлежит, пока в мерцающем прямоугольнике не появилось лицо. Оно расплылось на весь экран – отчасти потому что было очень упитанным, отчасти потому что улыбалось во все тридцать два или больше зуба.

Сципион невольно простонал.

– Хабидос? – на его худом лице отразилось страдание. – Откуда?...

Лицо на экране расплылось еще шире. Толстые щеки, гор-

батый нос и небольшие черные усики не желали уместаться в отведенном им пространстве. И хотя это лицо улыбалось, глаза, смотревшие на Сципиона, были злыми и колючими. Они как крючки цеплялись за все, что видели. С лица по ту сторону экрана катились крупные капли пота. Было видно, что там, где оно находится, очень жарко.

– Ага! Узналь! – пропел женским голоском обладатель усиков. – Я не обижусь, если ты будешь называть меня «дядя Хабидос». Я звоню передавать тебе пиривет от твоих родных из солнечной Африка.

Сципион молча всматривался в давно не виданного родственника. Хабидос был моложе него, но по родственным и очень далеким связям приходился Сципиону пятиюродным дядей. С этим приходилось считаться, и вести себя подобало вежливо.

– Чего мольчишь, как воды в рот прибрал? – коверкая слова, спросил Хабидос. – Видель, как я здоровко разговариваю на русский языке? Ты, наверно, удивляться?

Сципион продолжал молчать. Встречи с дядей Хабидосом не заканчивались ничем хорошим, но деваться было некуда. Приходилось изображать послушного племянника.

– Конечно, вы очень хорошо говорите, дядя Хабидос, – с деланной улыбкой ответил Сципион. – Что вы тут делаете?

– Ты думаль, что я в Москве? Ха-ха! – рассмеялся икающим смехом дядя. – Для того, чтобы разговаривать по этой штука, не надо никуда ехать. Нада просто нажать кнопку. Ха-

ха! Ты, что никогда не видел компьютер? Ай-вай! Тебе нужно ознакамливаться с достижениями новых технологий.

«Они, что – сговорились все что ли?» – заскрежетал зубами Сципион. – «Все только и бубнят про какие-то технологии. Ладно, этот выскочка Вельзевей, а тут еще непонятно откуда свалившийся на голову дядя».

Это он подумал, а вслух сказал другое.

– Я просто забыл. Много дел, знаете ли. Закрутился.

Сципион искоса взглянул на Воронов. Не хватало, чтобы его отчитывали как маленького мальчика в присутствии его собственных слуг. Приняв как можно более радостный вид, Сципион поспешил сменить тему разговора.

– Что мы все обо мне, да обо мне? Расскажите как вы? Как тетя Анушфуш? Не болеет?

– Ты мне в зубы не разговаривай! – щеголял знанием поговорок Хабидос. – Я тебе не за этим звоню.

Он отодвинулся от экрана, и стал виден его пестрый с восточными узорами халат, который с трудом сходил на дядином животе. Над Хабидосом, разгоняя знойный воздух и жужжащих мух, колыхалось страусовое опахало. Дядя снова открыл рот, показав ряд мелких и очень белых зубов.

– До наша семья дошли слухи, что ты находишься в очень затрудненном положении. Мы держали семейный совет и нашли вход... нет – выход из твоей ситуации.

– Вы хотите приехать сюда? – от неожиданной догадки Сципиона пробрал холодный пот.

– Нет! Мы не будем приехать к тебе, но мы пришлем тебе помощь. Очень дорогая помощь. Ты должен будешь долго благодарить небо и меня за это.

При этих словах дядя Хабидос повертел головой, и, видимо, не найдя то, что искал, принялся шарить вокруг руками. При этом он не переставал повторять.

– Очень. Очень дорогая помощь...

Его поиски длились больше минуты. Он кряхтел и отдувался, тяжело поворачивая толстое тело. Наконец, изловчившись, он сунул руку под свой обширный зад и извлек из-под него тонкую книжицу.

– Видишь, какая она дорогая? – спросил он, выставив книжку перед экраном. – Я держаль ее в самом безопасном месте.

Сципион придвинулся ближе. Он хотел лучше рассмотреть то, что ему хочет всучить дядя и за что, возможно, придется расплачиваться всю оставшуюся жизнь. Хабидос же все тряс книжкой и, знай себе, бубнил.

– Это очень дорогая реликвия. Я отдаю ее только в обмен за твое послушание. Это книга исполнения желаний. Она поможет тебе справиться с твоей сложная ситуация.

– Но у меня все в порядке, – отозвался Сципион. – Я сам справлюсь. Ни в чьей помощи я не нуждаюсь.

– Семья, – тоном не предполагающим возражений продолжал Хабидос. – Решила, что так надо. Я сам отправлю тебе посылка. А вместе с ней еще вот эта необходимый придача.

Дядя потянулся куда-то влево и в прямоугольнике экрана возник большой рыжий кот. Он спал и даже не удосужился открыть глаза, когда его сунули мордой в камеру. Сципион решил, что над ним попросту смеются.

– Да говорю же – мне не нужна ничья помощь. Я сам могу во всем разобраться. Вы только помешаете...

– Что? – взвизгнул Хабидос. – Твоя семья тебе мешает? Так ты отвечаешь на мое добро? Может тебе поубавить спесей, а мне приехать лично?

Сципион почел за лучшее промолчать, но дядю уже было не остановить.

– Ты думаешь, я заботиться о себе? Нет! Я заботиться о престиж нашей семья. Для меня это очень влажно.

– Важно, – поправил его Сципион и тут же прикусил язык.

– Что? Тебя там научили перебивать старших? Я днем и ночью думаю, как сделать всем лучше. Я не скомкал глаз и похудел.

Сципион криво усмехнулся, и это не ускользнуло от его африканского родственника.

– Ты улыбаешься? Такая твоя черный неблагодарность? Совсем отбился от рук. Был бы живой твой благословенный отец, – Хабидос воздел к небу руки. – Он бы никогда себе не позволил. Какая печаль на мой больной голова. Чем я прогневил небо, что оно послало мне такого неблагодарного племянника. А ведь я качал его этими руками, кормил, поил, ни в чем не отказывал. С утра до ночи...

Незаметно для себя Хабидос перешел на распев, сопровождая каждое слово завыванием и покачиванием тучного тела.

– Хорошо, – поспешно ответил Сципион, лишь бы прервать поток дядиных стенаний, большая часть которых была его фантазиями. – Я приму вашу помощь, но сейчас я спешу.

– Так бы сразу, – Хабидос перестал вопить и вернулся к начатому. – Значит, высылаю тебе вот эту очень дорогую вещь и этого бесстрашного зверя, а что я потребую у тебя взамен, я скажу потом. Пока.

Не дожидаясь ответа, экран погас, и Сципион со всего маха врезал по нему рукой. Тот отлетел в стену, где разлетелся на множество осколков.

– Таких родственников и даром не надо!

Не успел Сципион прийти в себя, как кто-то с силой забарабанил в дубовые створки, отчего те заходили ходуном.

– Кого еще нелегкая принесла? – недовольно проворчал Сципион. – Войди!

Двери не открылись, а стук стал еще громче.

– Что за черт! – в бешенстве закричал Сципион. – Посмотрите уже, кто там!

К двери подскочил Молодой ворон, и в гостиную ввалился запыхавшийся Лесовик. Его вид был жалок, одежда оборвана. Он тяжело дышал. Рассыпая вокруг себя труху и комья земли, Лесовик подскочил к Сципиону.

– Не испачкай ковер, – предупредил его хозяин апартаментов.

Но Лесовик словно не слышал. Опершись о стол и едва переводя дух, он заговорил.

– Господин, они... меня прогнали... Мой Кречет... Он еле долетел... Я только что оттуда...

– Что ты мелешь? Кто-нибудь, дайте ему воды. Пусть придет в себя.

Вода привела Лесовика в чувство. Он сделал глубокий вдох и снова заговорил.

– Я только что от нее, мой господин. Я сделал все что мог. Я боролся изо всех сил. Я почти заставил ее смириться. Я мог бы разорвать ее на маленькие кусочки, – Лесовик ударил себя в костлявую грудь. – Еще немного и...

– Она выгнала тебя? – спокойно спросил его Сципион.

Бравату Лесовика как рукой сняло. Он мгновенно сник и виновато проямлил.

– Да. Но она чуть не убила меня, а ее мерзкая кошка так исцарапала моего Кречета. Я больше не пойду к ней. Я боюсь. Напоследок она передала, что больше... не боится вас. И что лучше вам...

Он запнулся, но, набравшись смелости, продолжил.

– Она сказала, что вам лучше обходить ее стороной.

Произнеся это, Лесовик сжался и затих. Он ждал бурю гнева, но ее не было. К его удивлению Сципион оглушительно рассмеялся.

– Узнаю мою Василису. Недаром я считал ее своей лучшей ученицей. Так говоришь, что еле спасся? Ха-ха! Тебе еще повезло. Да-а-а. Она бы живо наделала из тебя щепок. А ты, я вижу, уже ни на что не способен. Такое простое дело не смог довести до конца.

– Господин, – взмолился Лесовик. – Я сделаю все, что вы прикажете. Только больше не посылайте меня к ней. Умоляю!

Сципион сквозь щелочки глаз пристально смотрел на него.

– Что же – я позволю тебе все исправить, но это будет твой последний шанс.

Он поднялся и вокруг стола направился к Лесовику. Тот съехался и невольно отступил назад, но не смог сделать и шага. Длинный ворс ковра обвил его ноги и не дал сдвинуться с места. Лесовик попробовал вырваться из опутавших его нитей, но ничего не выходило. Когда он снова поднял глаза, над ним возвышался Сципион. В его руке был... «Смертный шип». Лесовик в ужасе отпрянул и упал.

– Ты видел мальчишку? – спросил его Сципион.

– Д-д-да, – запинаясь, ответил Лесовик.

– В следующий раз, когда снова встретишься с ним, отдай ему вот это.

– Слуш-шаюсь.

Медальон упал в дрожащую руку Лесовика. И хотя его металл был холодным как лед, на деревянной ладони «учителя

труда» появился черный ожог. Скрипучее тело Лесовика затрещало и начало рассыпаться. Кора слоями отскакивала от него. Пока не стало поздно, лежавший навзничь Лесовик сунул страшный амулет в карман плаща. Немного полегчало, но следовало скорее избавиться от «Смертного шипа», пока он окончательно не доконал его.

– Ты знаешь, что с тобой будет, если не исполнишь моего приказа?

– Да, господин.

– Тогда иди.

Лесовик вскочил на ноги. Вырвавшись из пут ковра, он налетел на кресло, перекувыркнулся через него и только после этого выскочил в дверь.

– Теперь он все сделает как нужно, – Сципион вернулся в свое кресло.

Его пальцы скрестились на груди. Просидев так несколько минут, он подозвал Седовласого.

– Сегодня у нас будет веселая ночь. Приготовьте Орлика.

В ожидании «гостей»

Тим позвал еще раз, но Василиса не отвечала. Он вышел в коридор. Входная дверь была на месте и заперта на новенький замок.

– Василиса-а, ты где? – Тим обошел всю квартиру, но тетки нигде не было.

В недоумении он зашел в ее комнату. Тим был здесь впервые со дня их переезда. Здесь стояла новая, купленная к новоселью мебель – шкаф, кровать, трюмо и два пуфа. На их фоне резко выделялся старый теткин комод.

Комод был темно-коричневого цвета. Его тяжелые ящики тускло поблескивали потрескавшимся и местами потертым лаком. В ящиках были устроены хитроумные замки, а Тиму всегда было интересно, что Василиса в них хранит. Он вспомнил, как в детстве хотел открыть комод, но только сломал нож и погнул любимую теткину ложку. Потом ему здорово досталось.

По комнате пролетел легкий ветерок, напомнив Тиму о вчерашней ночи. Он было потянулся, чтобы закрыть окно, но внимание Тима привлекло едва заметное движение под кроватью. Там лежала Алиса. Кошка приподняла голову и глазами-щелочками наблюдала за Тимом. Он погладил ее, и Алиса довольно заурчала.

– Хорошая киса. Смелая. Выздоровлявай скорее, – Тим гладил Алису, а сам обводил озадаченным взглядом комнату. – Случайно не знаешь, куда подевалась твоя хозяйка?

Кошка ничего не ответила. Тим поднялся, чтобы уйти, но тут до его слуха донесся едва слышимый звук. Он оглянулся, но не заметил ничего необычного. Алиса мирно лежала в своем уголке. Все было на своих местах, все кроме... тет-киного фикуса, под которым лежал желтый лист. Он только что упал с ветки и еще колыхался.

Тим поднял лист. На его гладкой, будто лакированной поверхности играли солнечные блики. Лист был небольшой, размером с ладонь. Его почти правильный овал пересекали тонкие жилки. Тим покрутил свою находку в руке, оглядел со всех сторон и уже хотел бросить, как на обратной стороне заметил какие-то знаки. Поначалу они были похожи на беспорядочные легкие надрезы, потом стали четче и скоро превратились в буквы, а затем – в слова. Через несколько секунд Тим смог прочитать.

– «Зав.ра .. выходи ..ма В 13:20 .вар.. перек..стка Бер...сь ...пиона Он будет .ам».

Надпись на листе еще проявлялась, когда в открытое окно комнаты влетела птица. Это было так неожиданно, что Тим испуганно отпрянул назад, но тут же успокоился – птица не была похожа на вчерашнюю ночную гостью, хотя тоже была довольно странной. На подоконнике перед Тимом сидела белоснежная голубка. Ее невероятной красоты хвост напоми-

нал затейливую вышивку, какую Тим видел на старых пуховых платках. Голубка прошла туда и обратно по подоконнику и устала на Тима долгим немигающим взглядом.

Он не знал, как поступить, и на всякий случай решил ее прогнать.

– Кышь отсюда! Пошла! – замахнулся он.

Птица не думала улетать, и казалось совсем не боялась Тима. Взмахнув крыльями, она перескочила на стол, а потом – на спинку кровати. И тут Тим заметил, что к ее лапкам привязаны маленькие мешочки. Он нагнулся, чтобы лучше рассмотреть их, но голубка, вспорхнула под потолок и принялась кружить вокруг люстры.

– Ну, погоди у меня! – Тим выскочил из комнаты и, через мгновение вернувшись с рыболовной сетью, чуть не сбил с ног... Василису.

Совершенно обалдев, он так и остался стоять посреди комнаты с сетью в руках.

– Ты кого собрался ловить? Не меня ли? – спросила тетка.

– Нет, – Тим не мог понять, что происходит. – Откуда ты взялась? Я же видел, что ты ушла.

– Точно видел? – хитро прищурилась Василиса.

– Да... то есть... Здесь опять птица... и я хотел..., – он огляделся в поисках голубки, поднял взгляд на люстру, но той нигде не было.

Василиса только покачала головой.

– Какой ты у меня еще мальчишка. Все бы тебе кого-ни-

будь ловить. Ни на минуту нельзя оставить одного. Только выбралась в магазин, – она потрясла руками, в которых держала два больших бумажных пакета. – А он уже голубей по дому гоняет. Лучше бы помог, охотничек.

Тим сунул сетку под мышку и перехватил у Василисы покупки.

– Неси на кухню. Это для сегодняшних ночных гостей.

– Опять? – возмутился Тим. – Не слишком ли много их в последнее время? Я, конечно, слышал, что в Москве бурная ночная жизнь, но с тех пор, как мы переехали, у меня только одно желание – хорошенько выспаться.

– Как раз этого я тебе не обещаю. По крайней мере, сегодня. Но ты не переживай. Вчера все закончилось хорошо, а сегодня все будет отлично. Нужно только как следует подготовиться. Ты мне поможешь, ладушки?

– Ладушки у бабушки, – угрюмо ответил Тим. – Снова кто-нибудь прилетит?

– Очень может быть, но на этот раз к нам пожалует птица покрупнее, – лоб тетки нахмурился. – Сегодняшней ночью все будет намного серьезнее.

Они прошли на кухню. Тим поставил пакеты, и Василиса принялась выкладывать их содержимое. Каждый раз, доставая очередной сверток или узелок, она называла его содержимое, сверяя со своим списком.

– Тимьян, пакет полыни, вода, ножи, лапка кролика... Что тут еще? Ага...

Тим не сводил глаз с растущей перед ним горы странных и порой не очень приятных предметов. Посреди стола возник большущий медный котел, с выбитыми на его боках необычными символами – рунами. За котлом последовали перевязанные бечевкой мешочки, от каждого из которых исходил свой собственный запах. Одни из них пахли мятой или лавандой, другие издавали нестерпимое зловоние. Следом за ними на столе выстроился ряд бутылочек темно-зеленого стекла различных форм и размеров. Их горлышки закрывали сургучные печати, а к бокам были приклеены промасленные ярлыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.